

Алеся Ли
«История охоты»

@shadow.moon.ink

16+

Алеся Ли
История охоты

«Автор»

2014

Ли А.

История охоты / А. Ли — «Автор», 2014

ISBN 978-5-532-94179-3

Быть оборотнем - это все равно, что завести собаку, не покидая собственных мозгов. Вот представьте: есть вы и есть еще тоже вы, но не знакомая с понятиями «этикет» и «поведение в общественном месте». Вторая вы просто не понимает, почему нельзя рычать на учителя математики, пить из лужи и кусать друга за ухо. Только подумайте: делить голову, чувства, мысли, всю свою жизнь с кем-то еще. Скучно не бывает. Особенно, когда фортуна внезапно поворачивается к вам хвостом, и вы оказываетесь в эпицентре малопонятных разборок. Ведь не так-то просты взаимоотношения стаи с извечным врагом: охотниками на оборотней, как может показаться на первый взгляд...

ISBN 978-5-532-94179-3

© Ли А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Вместо предисловия	5
Часть первая или литовский акцент против бубнового валета	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Часть вторая или сын богов – одна штука	26
Глава 1	26
Глава 2	29
Глава 3	31
Глава 4	32
Глава 5	34
Глава 6	36
Глава 7	37
Часть третья или мой дом – моя крепость	39
Глава 1	39
Глава 2	41
Глава 3	44
Глава 4	46
Глава 5	49
Глава 6	52
Глава 7	54
Глава 8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Алеся Ли

История охоты

Вместо предисловия

Прогулка в лесу

«Я люблю лес. Только в лесу чувствуешь себя свободной. Можно бежать, куда глаза глядят долго-долго, валяться на траве, грызть корни и ловить зубами бабочек. В лесу очень много бабочек и других насекомых. А еще много запахов. И постоянно кажется, что за тобой кто-то следит из-за кустов. Это страшно, но мама рядом и я прижимаюсь носом к ее теплomu боку...»

...из сочинения

ученицы 3 «А» класса,

Лоран Эрглис

Когда началась эта история, мне исполнился двадцать один год. Но в глубине души стеснительно улыбалась миру все та же маленькая девочка, смело сдающая странное сочинение.

Вот так бесхитростно, не веря в то, что этот мир, такой чудесный и большой, может обидеть, отнять что-то, или разрушить мечту, я ухитрилась дожить до своего первого совершеннолетия!

Вы спросите как? Точно не знаю.

Возможно, секрет в том, что я любила его, и он, этот мир, жалея наивную девочку, отвечал взаимностью, отводя до времени тучи, неумолимо скапливающиеся над моей непутевой головой.

Вместе с неприятностями, нахлынувшими как дождь в ненастную погоду, и началась эта история.

Часть первая или литовский акцент против бубнового валета

Глава 1

Любопытство не порок, а форма склероза.

*Человек подозрительно быстро забывает,
что это не его дело.*

Я

2010 г.

Каждый день со дня переезда в Б. я устраиваю себе маленькую прогулку. Лапы мягко ступают по чахлой траве, уши напряженно ловят каждый шорох. Мне нравится здесь, на окраине города. Наш дом самый крайний, и прямо за забором начинается лесок, в котором уже давно ничего крупнее белок не водится. Но все равно, приходится быть осторожной: когда моя нахальная остроухая морда появляется на тропинке, человек – враг.

Один раз, я об этом забыла. Увлеклась немного, терзая зубами торчащий из земли корень и не заметила, как на поляну вышли двое. Бежать было поздно. Оставалось только стоять на месте и ругать себя за глупость.

– Смотри, какая собака! – восторженно заявил один. Я настороженно прислушалась.

– Да, необычная, – сдержанно отозвался второй.

Вот придурки! Я искренне порадовалась такому повороту событий.

Одним из «придулков» оказался Вик, мой одноклассник. Его благородный профиль и мягкий акцент производил в нашей школе настоящий фурор. Да чего врать-то, он даже мне смог ненадолго вернуть интерес к жизни, не говоря уже о прочих девицах всех возрастов и увлечений. Они готовы были в огонь и в воду, косметики извели... хватило бы здание школы заново оштукатурить – и все без толку: парень не торопился вывесить белый флаг и обратить на кого-нибудь свое внимание.

– Иди сюда, – позвал Вик и протянул ко мне руку, вырывая из размышлений.

Я, искренне веселясь, сделала пару шагов к нему, потом резко отскочила, немного подумала – и начала активно вилять хвостом. Волку это делать трудно, но раз уж изображаю собаку, надо стараться.

Одноклассник медленно подошел и опустил на корточки. Поднес ладонь к моему носу, потом потрепал за ухом, погладил по спине. Я попыталась игриво цапнуть его за пальцы, за что тут же получила по носу.

– Видишь, нет ошейника. Интересно, у нее хозяин есть? – поинтересовался Вик.

– Не знаю. Может, стоит в питомник отвести? По повадкам – домашняя.

Я раздраженно посмотрела на незнакомого умника, чуть отодвигаясь, чтобы в любой момент иметь возможность сорваться с места.

– Думаю, не стоит. Я ее не в первый раз здесь вижу, посмотри, какая она ухоженная. Наверное, живет недалеко, вот хозяева ее гулять и отпускают, – мягко возразил Вик.

– Шею надо мылить таким хозяевам! Выпускать здоровенную зверюгу без ошейника и намордника гулять непонятно где... А вдруг, она кого покусает?!

Тебя! И прямо сейчас!

Последняя фраза Вика меня насторожила. Если видел он, могли и другие, а вдруг, среди них найдется тот, кто в состоянии отличить собаку от волка?!

Нужно было что-то придумать. В оборотней люди, может, и не верят, зато в волков очень даже. Решение пришло само по себе, простое как и все гениальное.

Я купила ошейник. Окрас у меня серенький, невзрачный, а заметив подобное украшение, никто и приглядываться не станет. Собака, как собака: помесь непонятного кого, непонятно с кем.

Лизнув Вика на прощание, я решительно потрусилась домой хвастаться идеей. Жалко в стае засмеют за такой элемент безопасности.

Уже позднее я заметила на той самой полянке сооружение, отдаленно напоминающее скамейку – Вик частенько читал там что-то, а я валялась рядом, позволяя чесать себя за ушами.

Он, кстати, очень удивился, когда увидел меня на следующий день в лесу в розовом дорожном ошейнике. Полчаса выбирала в зоомагазине. Как вспомню – смеяться тянет.

«Какая у вас собака?»

«Большая такая, на волка похожа»

«Овчарка? Или, может быть, финский шпиц?»

«Не совсем...»

«У вас, наверно... мешанец?»

Да кто тут дворняга?! Мой род ведет свою историю еще со времен Полоцкого княжества! Почти тысяча лет истории семьи! Это вам не шутки! Я чистокровный Волк-оборотень!...

«Именно... Мне нравится вон тот, со стразиками...»

Обернувшись, я выскакивала из дома в одно и то же время. Волчице нравилось гадать, что Вик принесет на следующую встречу.

Куриные кости? Звенящий шарик? Ту смешную резиновую птицу? (когда появляется хвост, вкусы тоже меняются). Быть оборотнем, это все равно, что завести собаку, не покидая собственных мозгов. Вот представьте: есть Вы, и есть еще тоже Вы, но не знакомая с понятиями «этикет» и «поведение в общественном месте». Вторая Вы просто не понимает, почему нельзя рычать на учителя математики, пить из лужи и кусать друга за ухо. Это я к чему: если ваша вторая половина погуляла, сыта и довольна жизнью, она тихонько спит и не мешает вам жить. Но стоит хоть чуть-чуть расстроиться – она тут как тут: заглядывает в душу, сочувствует, хотя очень часто не понимает, в чем дело. А порой даже пытается взять ситуацию в лапы и разрулить по собственному усмотрению. Тогда вообще бывает весело... окружающим.

Чтобы такое происходило как можно реже существует контроль. Мы с детства учимся давать волю своей второй половине ровно на столько, чтобы всегда оставаться главными в паре.

Вы вот только представьте: годами(!) уживаться с такой же особой, как Вы сами... Скучно не бывает.

А Вик, что странно для человека, нравился нам обеим. И не в качестве обеда.

Жаль, что он не оборотень и никогда не узнает, как я в действительности к нему отношусь.

Глава 2

Весна в этом году наступила рано. Местами еще лежал снег, в переулках завывал позимнему холодный ветер, но яростную атаку солнечных лучей на замерзший серый город было уже не остановить.

Я сидела на кривенькой скамейке школьного стадиона с самым мрачным выражением лица. Мне было скучно: в этой школе, которая ничем не напоминала ту, где учились мои друзья, в этом городе, что за три года так и не стал мне родным; в мире людей, где в совсем нет места, таким как я.

Одoleвала тоска: по прежнему образу жизни, по миру этикета и древних традиций, по той неповторимой атмосфере старины и величия, казавшейся здесь, в школьном дворе, какой-то нереальной и даже сказочной.

Я хотела домой...

– Лона! – возле скамейки, переминаясь с ноги на ногу, стоял Вик. Я улыбнулась, кивком предлагая ему присесть рядом.

Веселый ветерок гонял воду в луже, забавно сминая наши отражения.

– Я принес тебе энциклопедию. Взял для доклада в библиотеке. Ее в читальном зале не было. Тысячу лет никто не брал! Пришлось самому искать в архиве, – пожаловался одноклассник, увлеченно роясь в сумке.

Виктор сидел со мной за одной партой, джентельменски таскал учебники, равнодушно давал списывать, подносил сумку под недовольными взглядами других парней и относился ко мне скорее как к другу, чем к привлекательной девушке.

Архивом, к слову, гордо называлась пыльная комнатуха в подвале. Я послушно удостоила уважительным взглядом кладезь ценной информации.

– Ты бы лучше цветы принес, – посоветовал печально знакомый голос, беспардонно вклиниваясь в чужую беседу. – Подкатывать с пыльным кирпичом к девушке, за которой бегают треть школы – гиблое дело.

– Не треть, а ровно половина, – педантично поправила я, не оборачиваясь. Этот голос я ни с чем не спутаю. Он мне в кошмарах снится.

Майк. Мое «фамильное проклятие».

Вик неодобрительно посмотрел куда-то мне за спину.

– Пойдем, Лона. Я провожу тебя домой, заодно «кирпич» поднесу, он тяжелый, – решительно произнес он.

Мои натянутые отношения с Майком ни для кого не были тайной. Больше скажу, о них только ленивый в школе не судачил. Особенно язвительные личности утверждали: если мы вдруг покинем это достойное учебное заведение, всем остальным станет просто незачем туда приходить.

Знакомы мы были... всегда и никогда не испытывали от этого особого восторга. Родители, его и мои, были свято убеждены, что если заставить нас проводить чуть больше времени вместе, мы обязательно подружимся. Вот только время шло, а этого так и не случилось.

– Неужели?! Вы меня бросаете? – «проклятие» неспешно обогнуло скамейку. – Оставь надежды, друг, этот айсберг способен потопить целый лайнер воздыхателей.

– И когда это мы стали друзьями? – хмуро уточнил Виктор, проигнорировав все остальное.

Майк пожал плечами и присел на свободный край скамейки.

– Ты вполне можешь им стать, если сейчас отсюда испаришься.

– И не подумаю, – вызывающе отозвался Виктор, поднимаясь.

Майк сдернул с носа очки – стекла хищно блеснули на солнце. Глаза у него были удивительные: необычного яркого изумрудного оттенка, в обрамлении по-девичьи длинных ресниц... но вот взгляд из-под светлой челки совсем не такой привлекательный – оценивающий и тяжелый.

– Не напрягайся, думать – дано не всем, для этого мозги иметь надо, – хмыкнул он.

– Это Майк о своем, о сокровенном, – срезала я, предостерегающе взглянув на Виктора. Только драки тут не хватало. Тем более, что против «проклятия» у Вика нет ни малейшего шанса.

– Тебе что-то от меня нужно?

А еще Майк имел привычку голливудским жестом отбрасывать с лица растрепанные, как из рекламы шампуня, светлые волосы, чем бесил меня необычайно! У прочих же девиц, этот самый жест почему-то вызывал невозможный восторг. С безнадежно влюбленными в него идиотками Майк управлялся виртуозно. Поразбивать столько сердец и систематически уходить от возмездия – это настоящий талант.

Словно зная, о чем я думаю, Майк философски пожал плечами и откинулся на спинку. Скамейка пошатнулась, но устояла.

Мы с Виком поспешно вскочили на ноги.

– Тебе что-то нужно? – с нажимом повторила я. Просто так уйти не позволяло воспитание.

Майк не торопился с ответом.

Решительно застегнув куртку, я сунула руки в карманы.

Ох, нехорошая привычка, сколько раз мама говорила, «приличные девушки из хорошей семьи руки в карманы не суют». И все равно не могу отучиться!

– Мы уходим.

Никакой реакции.

– Не могу связаться с Келли, – неохотно произнес Майк, дождавшись, пока я сделаю пару шагов. Пришлось остановиться.

– Подожди меня у ворот, ладно? – я виновато взглянула на Вика. Тот неодобрительно покачал головой, но все же удалился.

С Майком всем было сложно. Но сколько бы мы ни цапались, он был и будет мне гораздо ближе, чем когда-либо станет Виктор. К моему величайшему сожалению.

– Я не могу связаться с Келли, – повторил Майк, дождавшись пока Вик отойдет подальше. – Мне... Мне нужна твоя помощь.

– Чтооо тебе нужно? – в моем голосе прозвучало искреннее изумление. – *Maikell ka-Noori* просит меня? Не иначе как грядет конец света.

– Что-то случилось, – проигнорировав мои слова, напряженно произнес Майк, – я чувствую.

– Хочешь сказать, тебя волнует что-то, кроме собственной персоны? Поразительно, – притворно удивилась я, не удержавшись от шпильки.

– Забудь! – Майк вскочил со скамейки, та со скрипом опрокинулась. – С чего это я решил, что ты...

– Да стой же! – я ухватила его за руку, не позволяя уйти, но, стоило ему обернуться, тут же выпустила. – Я выясню. Все, что смогу.

В душе зарождалось беспокойство.

«Проклятие» ни за что не обратилось бы ко мне просто так.

– Он пропал дней пять назад – мне это не нравится. Я пытался звонить – не отвечает. Родители уходят от ответа. Спроси у своих, свяжись с Анитой, ты знаешь, она меня не жалуется, узнай, что случилось.

Я серьезно кивнула. Майк выглядел встревоженным, даже его непрошибаемая самоуверенность как-то поблекла.

– Постараюсь разузнать. Тогда... до завтра?

Он кивнул.

– Подожди минутку, сюда никто не идет?

Майк оглянулся.

– Да никого, вроде бы...

Кинув быстрый взгляд по сторонам, я легко подняла чугунную скамейку и поставила как было.

– Это стоило сделать мне, – хмыкнуло «проклятие» наблюдая, как я отряхиваю руки.

– Тебе стоило бы лучше держать себя в руках, – огрызнулась я. – Джентльмен нашелся.

– Не учи меня быть оборотнем.

И слово это не произноси!

– Тебя там кавалер заждался, а то смотри, уведут, – с притворной заботой напомнило «проклятие» пропуская мимо ушей все мной сказанное.

– До завтра, – если бы взглядом можно было убивать, Майк уже был бы мертв.

Глава 3

Вик терпеливо ждал меня у ворот школы, как и договаривались. Я подцепила его под локоть и быстро потянула прочь от здания школы.

При всех наших разногласиях с «проклятием» мы оба обожали Келли. Рыжика вообще трудно было не любить. А Майку он приходился еще и дальней родней. Мне стоило поторопиться и разузнать что к чему.

– И как поговорили? Все живы? Или там теперь руины на пепелище? – Вик все-таки проявил любопытство. Я невольно фыркнула.

– Он кузена потерял, тот на сообщения не отвечает, вот и просил узнать, может, случилось что.

– Тебя просил? – искренне изумился Виктор.

– К нашему обоюдному сожалению, больше некого.

– Вы так хорошо знакомы?

Я невольно улыбнулась.

– Мы знаем друг друга с самого детства.

– Какой кошмар, – искренне посочувствовал Вик.

Я не выдержала и рассмеялась.

– А вот это ты зря! Наш Келли – полная противоположность этого наглого типа. Мы когда маленькие были, он меня всегда защищал. Рыжик (он рыжий-рыжий с синими такими, как вода в речке, глазами) с самого детства был серьезный, важный и очень-очень надежный, – я невольно улыбнулась, чувствуя, как теплеет в груди от воспоминаний о друге. – Нас было четверо, как мушкетеров. Я, Келли, Мик и Анита.

Виктор улыбнулся.

– Предположу, что Майк был... Миледи?

Я согнулась от смеха.

– Ты прав, на Рошфора он не тянет. Майк частенько приезжал на лето, пока мы маленькие были. Я с ним дралась постоянно. Наши мамы были просто в шоке. Я его за глаза именуя фамильным «проклятием», но это секрет.

– Ему идет, – расхохотался одноклассник.

Вик невзлюбил Майка с самой первой встречи – и я прекрасно его понимала. Характер у «проклятия» всегда был прескверный: задирист, упрям, излишне язвителен, он не терпел ни малейшей критики в свой адрес. Наша же с ним ситуация осложнялась еще и тем, что родители просто обожали проводить субботние вечера вместе. Не исключая, что это делалось специально для того, чтобы мы могли «лучше узнать друг друга». «Проклятие» считалось завидной партией, а династийные браки в нашем с ним мире были прозой жизни, а не архаичным пережитком.

Мои родители были достаточно демократичны, чтобы не принуждать меня к замужеству в будущем, но такие вот реверансы в сторону традиций вполне допускали.

В итоге мы с Майком вынуждены были долгие часы изображать приятное времяпровождение. Тихие подначки за вечер накаляли атмосферу настолько, что на следующий день в школе случались бои без правил с привлечением кучи действующих лиц.

– Имена у вас такие странные, это прозвища? – полюбопытствовал Вик, выдергивая меня из неприятных размышлений.

– Ага, как у мушкетеров! – мгновенно отозвалась я.

Наши имена и впрямь отличались некоторой своеобразностью. Мы живем долго, так долго, что приходится раз в десять-двадцать лет переезжать с места на место и писать в паспорте различные эквиваленты имени, приемлемые для той или иной страны. Я еще малень-

кая, так что документы меняла лишь однажды, чтобы начать учиться в девятом классе здесь, в новой школе. Но отзываться предпочитаю на сокращение от настоящего имени, чтобы не путаться...

Как-то незаметно мы оказались у моего подъезда.

– До завтра, – я помахала на прощание, забираясь на первую ступеньку.

– Лона! – окликнул меня Вик.

– Что? – я недоуменно обернулась.

– «Кирпич» забрать не хочешь?

– Ой, давай сюда, совсем забыла, – я смущенно хихикнула, принимая добытую с таким трудом энциклопедию.

Неодобрительно покачав головой, одноклассник отправился восвояси.

И все-таки Вик – это нечто. Когда я его впервые увидела, решила, что он наш. Но чутье безошибочно указывало – человек. Хотя внешне: узкое лицо, темно-русые волосы, высокий, стройный сильный, – вылитый Волк. Порой мне даже казалось, что я вижу, как наливаются янтарным блеском и яростью эти спокойные серые глаза.

Глава 4

Оказавшись в квартире, я швырнула на пол сумку.

Влюбиться что ли?

Вот, например, Виктор... Он так не похож на других. Всегда спокоен, уравновешен, заботлив, словно старше и выдержаннее.

Ну чем не типаж, для девичьих грез?! Вот только... он готов за меня всю домашнюю работу переделать, а в кино пригласить не додумается.

К тому же, я сильно увлеклась, расписывая его достоинства. У него есть недостатки... недостаток... один! Он человек – и этим все сказано.

Мы живем веками... Меня учили, что люди, как игрушки, могут быть хорошими, плохими, смертельно опасными, но рано или поздно они все равно наскучат. Или сломаются. Даже самую любимую игрушку, мы не можем сделать вечной, уберечь от старости и даже от самих себя.

Нам нельзя открываться людям. Мы другие. А уж любовь к человеку – это больше чем табу, это правило, непреложный закон бытия. В нашей истории порой случались исключения, но заканчивались они всегда трагически. Ведь нам свойственно боготворить игрушки, которые не можем получить. Те самые, что стоят за стеклом магазина, и мы можем лишь смотреть на них, касаясь рукой витрины...

Виктор для меня – что-то чудесное, но абсолютно недостижимое. Пусть так и остается.

Раздраженно отмахиваясь от глупых мыслей, я поплелась на кухню. Па – на работе, ма – тоже, на столе записка, что купить в магазине, в холодильнике – каша. Скорчив рожицу в знак протеста, я принялась готовить обед.

Мясо. Много, много мяса. Хищник я, или кто?

Где-то через полчаса, умиротворенно и сыто бренча посудой, я попыталась придумать способ растянуть пару умных мыслей на положенные два листа контрольного сочинения. Потом открыла ноут и набросала сообщение Аньке. Подруга ответит, как только выйдет в сеть, но будет это не раньше вечера.

Часы показывали четыре тридцать. Решив, что дома мне ловить нечего, я собралась на улицу. Пробегусь, лапы разомну. Может, с Виком погуляем. Заодно и время скоротаю...

... но стоило мне оказаться во дворе, как меня тут же окликнула мама.

Соседи всегда удивлялись, почему меня и «нашу собаку» зовут одинаково. Благо хоть не стоял вопрос, сколько этих «наших собак». Мы с мамой просто очень похожи, а отца еще никто ни разу не заметил.

Эх, мне бы его опыт...

Родители возвращались домой раньше, что само по себе было странно. Я покорно поплелась обратно. Но стоило нам всем оказаться в квартире, я тут же дала волю, бурному негодованию.

– Ма, па, что такое? У меня, может, планы были?!

– В таком виде? – уточнил папа, намекая что лапы и хвост не лучший прикид для общения с одноклассниками.

– Нет, – моментально сдулась я. – Что случилось-то?

– Сегодня утром в городе убили оборотня. Ты должна пообещать мне, что до нашего отъезда не будешь больше оборачиваться. Со школы сразу домой, поняла меня?

Упс! Давно не видела папу таким напряженным.

– Мы уезжаем?! – я не знала радоваться мне, или пугаться. – Нельзя выходить?!

– Да, потерпи два дня, а потом...

– Мы возвращаемся домой?!

– Да, волчонок, можешь начинать паковать чемоданы, – подтвердила мама.

– Погодите, но его могли убить, и, не зная, кто он! – эйфория от прекрасных новостей не мешала мне рассуждать логически.

– К сожалению, это не известно. Ты мне обещаешь?

Я неохотно кивнула, про себя решив, что все равно схожу завтра, попрощаюсь с Виком. В школу он не собирался, ему нужно было взять в поликлинике какую-то справку, а уехать просто так, было бы самым настоящим свинством. Мы все-таки друзья.

Глава 5

Наутро настроение было не особо праздничным. Я вообще лучше вечером, или ночью соображаю, а тут еще и начинается мой последний день в этой школе и в этом городе. Сутки назад я только и мечтала о том, чтобы вернуться домой, а сейчас мне почему-то не хотелось уезжать.

Да я никак боюсь?! Вот это на меня совершенно не похоже.

Уроки проходили до обидного обычно. Даже Майк, узнав, что Анита мне еще не ответила (даже на звонок, сговорились они там что ли?!), разочарованно удалится, так и не закатив плановый скандал.

А в четыре часа вопреки обещанию, я выскользнула из дома и кустами припустила в лес.

С Лоной-волком, Вик был куда более откровенен, чем с Лоной-человеком. Я постоянно узнавала о нем что-то новое. Виктор видел окружающий мир не так, как большинство моих знакомых, избалованных силой, деньгами, долголетием. Практичность в нем уживалась с рыцарской моралью, некоторый цинизм с идеалистическими, привитыми бабушкой, представлениями о дружбе, вере, любви.

Мне нравилась слушать его рассуждения...

Вот и она. Поляночка. Как-то раз именно здесь полупьяный субъект, пытался «одолжить» у Вика денег. Этот чудик еще и меня на всякий случай собой прикрыл. Ага, а то я со своей улыбкой «мечта зоолога» за себя постоять могу. Вот и пришлось продемонстрировать... наглядно, заставив бандита показать класс в забеге на длинные дистанции. Кусать я его, кстати, не стала. Им даже Волчица побрезговала. Так что отделался он только испугом... а заикаться когда-нибудь перестанет.

Вик поднял голову и мягко улыбнулся, увидев меня. Похоже, я излишне активно вылетела из кустов, обычно он меня не сразу замечает.

– Что-то давно тебя не видно, – он ловко притянул меня за ошейник, – Кости вчера принес – а тебя нет!

Я виновато лизнула его в щеку и по-королевски развалилась рядом.

– А ведь ты не собака, – задумчиво произнес этот потрясающий парень, – вернее, не совсем собака.

Я удивленно подняла морду. Что это он имеет в виду?

– У тебя в роду были волки: ты на них очень похожа, – заявил он, пытаясь почесать мне живот. Я щелкнула зубами, что означало «без фамильярности». Вик рассмеялся, но на живот покушаться перестал. – Такая же красивая и умная.

О, да мне польстили! Что-то туго до меня сегодня доходит.

Я встала, грациозно отряхнувшись.

– Было бы интересно поговорить с твоим хозяином. И где он тебя, такую красотку, нашел. Я смущенно махнула хвостом.

Стоп! А ведь это идея!! Айда, в гости! Заодно и попрощаюсь нормально.

Я медленно пошла к краю поляны, постоянно оборачиваясь. Вик остался сидеть, махая мне на прощание.

Тормоз.

Вернувшись, я схватила его зубами за рукав и потащила за собой.

Отлично. Уже не держу – сам идет.

– И куда это мы?

Подожди – узнаешь!

Нет, ну что ты в дверях подъезда застрял!

Пришлось вновь взяться за рукав и тащить за собой на площадку третьего этажа. Все! Теперь главное скорость! Быстро ныряю в собачью дверцу. Спешно начинаю меняться, по ходу вспоминая, где кинула платье.

Ну же, не тормози! Звони! А может, он ушел?

Фу, раздался робкий звонок.

«Ой, ты уже вернулась, лапочка моя», – проорала я на всю квартиру и кинулась открывать, на ходу приглаживая волосы. Если от стыда за свой внешний вид в первые пять минут не сгорю, то все будет отлично.

Я распахнула дверь.

– Ой, я наверное не во время, – совершенно растерялся при виде меня Виктор.

О чем это он? Платье надеть успела – что еще надо.

– Да заходи, раз уж пришел, – я вежливо улыбнулась.

– Так это твоя собака... – начал он, робко переступая порог.

– Давай на кухню, чай поставлю, – решительно перебила я, чувствуя себя совершенно по-дурачки (не справилась с искушением и заглянула в зеркало). – Заодно энциклопедию тебе отдам, я уже закончила.

Мда... Кошмар... Выгляжу так, словно занималась генеральной уборкой. Как раз все полы перемыла... или мной их перемыли: лицо красное, платье как из... В общем не будем о грустном.

– Спасибо, – смущенно поблагодарил Вик, устраиваясь на стуле. – Как бы это странно не звучало, меня привела твоя собака.

– Она и не такое может, – хмыкнула я.

– Верю. У тебя просто чудесное животное. Может, скажешь как зовут?

– У нас две Лоны в семье.

– Неожиданно...

– Она на другое не отзывается, нахалка.

– Вся в хозяйку. Ты тоже на «Лену» не реагируешь.

Я фыркнула. Мое имя по рождению *Lorran*, а по «пачпорту» – Елена, так что приходилось пользоваться чем-то средним.

– А у нее щенков не предвидится? – неожиданно поинтересовался Вик, заметно осваиваясь у меня на кухне.

Я чуть не уронила чайник. Как хорошо, что спиной стою – он не понял бы моего искреннего веселья.

– Нет, пока нет, – выдавила я, ставя сахарницу. – Но ты мог бы с ней гулять. Жаль, мы уезжаем.

– Вы уезжаете?

– Да, у родителей внеплановый отпуск, – не моргнув глазом, соврала я.

– И когда едете?

– Уже завтра, все так спонтанно получилось...

– А можно, я тогда с ней попрощаюсь, – неожиданно попросил Вик.

Так, я сейчас к самой себе ревновать начну!

– Наверное, в комнате на диване, или на улицу опять побежала, – с ходу соврала я.

– Пошли, посмотрим.

Тяжело вздохнув, я кивнула.

Но дойти до комнаты мы не успели.

Стоило сунуться в коридор, как входная дверь с грохотом впечаталась в стену, сорванная с петель. Мы замерли. На пороге нарисовались два мужика в масках.

Как в примитивном голливудском кино, честное слово! Прежде чем я успела понять, что происходит, один из них вскинул руку ...

Милирит!

Я орала, как мне показалось, минуты две, да так, что все присутствующие вежливо замерли в причудливых позах, ожидая пока затихнет волна ультразвука. Такого ужаса я еще никогда не испытывала.

Наконец, мужикам надоело оценивать мощь моих легких, и один из них сделал шаг вперед. Вик не стал дожидаться чуда и обрушил меня, превратившуюся в столб, за диван. Потом попытался добежать до кухни, где стоял телефон. Плохая идея. Звездочка вспорола воздух. Почувствовав внезапную боль, Вик дернулся и налетел на сервировочный столик. Грохот и звон бьющегося стекла смешался со стоном и руганью. Минус один.

Я мгновенно начала соображать. С ужасного металла, отражаясь капала кровь. Как-то не верилось, что я сейчас умру. От запаха крови кружилась голова... Почувствовав, что это единственный выход, я отпустила сознание, и через мгновение на ковре скалилась молодая волчица. Еще никогда трансформация не была такой стремительной. Вторая Лона рвалась на свободу защитить друга.

А платье теперь, только выбросить...

И о чем я думаю?

Звездочка вгрызлась мне в плечо. Я рыкнула, но не двинулась с места, позволив Волчице самой думать, как спасти наш общий мохнатый зад. А незваные гости, тем временем, медленно заходили с двух сторон, понимая, что мне от них уже никуда не деться.

Ой, мама! А ведь все по-настоящему, и героя из боевиков, пришедшего нас спасать, не будет...

Кто-то ещё ворвался в квартиру...

Дернув лапой, я попыталась убраться из-под ног отвлекшихся на нового «гостя» охотников, но пол коварно метнулся мне в морду...

Я потеряла сознание.

Глава 6

Лежу, глаз благоразумно не открываю: еще не известно, что я там увижу.

Мое плечо... такое ощущение, что оно сейчас отвалится!

Так, надо набраться смелости и открыть глаза. Глаз. Один.

Ой... (цензура не пропустит).

На полу, на мамином любимом ковре (его теперь тоже только выбросить) все, что осталось от непрошенных «гостей». Коллаж на тему «не стоит злить волка». Кто их так?!

– Как ты, волчонок? – рядом присел папа.

Вопросов больше не имею...

Хотелось повиснуть у отца на шее, прижаться покрепче. Но я даже встать не смогла. Рука болела зверски, ноги подкашивались.

Папа осторожно прижал меня к себе, поцеловал в макушку.

– Мой волчонок... Как же я испугался, – тихо прошептал он.

Слезы потекли из глаз сами собой. Уткнувшись носом в ткань костюма, я прерывающимся голосом призналась:

– Это я! Это все я! Я привела их сюда!

– Тише, тише, – отец ласково гладил меня по волосам, – они знали, кого и где искать. Это даже хорошо, что ты не послушалась, иначе я бы просто не успел. Вдвоем вы их задержали....

Вдвоем... Я и Вик... Что с ним?!

– Вик!! Что... – не договорив, я на четвереньках поползла к неподвижно лежащему на диване парню.

– Он умирает.

– И мы не станем помогать человеку? – я с ужасом смотрела на белое лицо, в обрамлении, казавшихся сейчас почти черными, волос. Моя совесть замерла в оцепенении.

– Вот что странно, – па говорил спокойно, как на заседании совета. – Он уже давно должен был умереть. Но как-то не торопится.

– Почему?

– Я видел такое лишь однажды, во время войны. В его роду были Волки. В нем мало нашей крови, но она очень сильна. Смотри.

Края раны, потемнели там, где касались милирита. Слабо, но все же.

– Если ему помочь, он может стать настоящим оборотнем, или хотя бы выживет...

Я тут же перебила.

– Но ведь про укусы, это все бред, сказки. Оборотнем надо родиться! Разве не так?!

– А откуда, по-твоему, берутся сказки? Это может сработать с человеком, который и так почти оборотень, – па приблизился и утешающее положил руку мне на плечо.

– А если нет?

– Он умрет.

Мы оба знали, чем рискуем. Необходимо было переливание крови, больничное оборудование, полный покой – у нас не было ни первого, ни второго, а надежда на третье отсутствовала и подавно! В лучшем случае, если все удастся, мы получим или человека, знающего об оборотнях, или оборотня не способного контролировать свою волчью половину. И что мы будем с этим делать?

– Жизнь человека, спасшего тебе жизнь, стоит того, чтобы за нее бороться, – рука папы сжалась на моем плече.

– И что ты предлагаешь? Плюнуть в ранку? – справившись с собой, хмуро уточнила я.

– Тоже вариант, – без тени улыбки отозвался па, сосредоточенно изучая собственное запястье.

Вот же...

– Полевой госпиталь мы сейчас организуем, а дальше что? – я старалась излучать оптимизм.

– Вот потом и разбираться будем, – подмигнул отец, выходя из комнаты.

Я снова взглянула на Виктора. Догмы и правила рушились у меня на глазах как карточный домик.

Отца не было пару минут, он принес пару полотенец, домашнюю аптечку и почему-то трехлитровую банку. Я затаила дыхание. Он опустился на колени рядом с Виком, осторожно разорвал рубашку и, обмотав руку полотенцем, вытащил звездочку. Из раны снова потекла кровь.

Все мысли вытеснил знакомый пьянящий аромат. Перед глазами поплыл красноватый туман. Я облизнулась...

Только этого не хватало.

Пришлось резко призвать Волчицу к порядку, но на это ушли последние силы. Я рухнула в обморок. Второй раз за этот безумный день.

Глава 7

Снова прийти в себя оказалось, еще труднее. Болела не только рука, но и голова. Стиснув зубы, я переползла в сидячее положение, улучшая обзор из-за дивана.

Как оказалось, очнулась я очень вовремя. Ма, переступив порог, в каком-то оцепенении оглядела то, что осталось от нашей гостиной, задумчиво закрыла дверь на ключ и пошатнулась...

Минут через пятнадцать родители пили чай с валерьянкой на кухне (я наотрез отказалась вылезать) и разговаривали вполголоса.

– *Rene*, ты думаешь, что, увидев трупы в гостиной и кровь на моем ЛЮБИМОМ ковре, я не буду волноваться?! – ма, видимо, опять завелась.

– Я не знаю, как они снова на меня вышли. Все-таки придется вернуться в стаю, – произнес папа. – Похоже эта история никогда не закончится.

Они помолчали.

Я решительно ничего не понимаю! Звучит так, словно они не хотят возвращаться! Но почему? И что значит «опять»?!

– Я вот о чем подумал, может вам с *Lorran* стоит поехать одним? Я отвлеку их внимание и...

– Либо мы едем вместе, либо остаемся все!

– *Mirra... Mirra...*

И вновь тишина. Всклипы... Я никогда не видела маму плачущей, а значит все очень и очень серьезно...

Я вдруг поняла, что почти ничего не знаю о жизни родителей до моего рождения. А там, похоже, немало интересного! Я медленно поднялась на ноги, держась за все тот же диван, и неуверенно – меня еще шатало – пошла по направлению к кухне разбираться. Настроение было самое, что ни на есть, боевое. Я грозно появилась на пороге и, зацепившись за оный, растянулась на полу.

– Ты в порядке?! – несколько секунд назад самозабвенно целовавшиеся родители вскочили с диванчика.

– Да, в полном, – фальшиво уверила я, изучая две пары домашних тапочек с собачками прямо у себя под носом. Рука, кстати, болела страшно. ..

Устроить родителям допрос с пристрастием не удалось. Не успела я утвердиться на стуле, как скрип двери где-то в глубине квартиры заставил нас с мамой вздрогнуть. В злосчастный дверной проем с порогом ступил Вик.

– Осторожно!!! – хором поприветствовали его мы.

Я уже во всю воевала с сахарницей левой рукой. И если учесть, что я правша, бой ожидался тяжелый.

Наш «гость» выглядел как новенький. Уж не знаю, что там с ним сделал па, но чувствовал Вик себя удовлетворительно. Не совсем понимая, что происходит, он с интересом рассматривал моих родителей.

Надо признать, было из-за чего: ма в свои пятьдесят с небольшим выглядела немногим старше меня, ну а папе, у которого с мамой была довольно значительная разница в возрасте, можно было дать... лет тридцать.

– Может, вас познакомить? – подала идею я, – ма, па, это Виктор, Виктор, это мои мама и папа.

Вик вежливо попытался скрыть удивление. Он совершенно не знал, как спросить, что сказать, впрочем, как и мы. Перед нами стоял человек, спасший жизнь оборотню. Или, очень возможно, оборотень, еще не осознавший, что прежняя жизнь кончилась.

– А? Ну... э-э-э... В общем...

– Можно сказать, что все в порядке. Почти, – пришел на помощь Вику папа. Тот кивнул и нерешительно сказал:

– Я пойду, наверное...

– В таком виде? К сожалению, тебе придется задержаться. Из-за нас ты попал в сложную ситуацию. Не думай, что я пытаюсь тебя запугать. Совсем скоро ты все поймешь, а пока просто поверь мне, – папа говорил мягко, внимательно изучая лицо собеседника. Смотреть в темные глаза отца во время разговора решался не каждый, они притягивали, завораживали, и, казалось, видели насквозь.

Вик был на удивление спокоен, словно не ему, а кому-то другому довелось бегать по квартире, спасая одноклассницу от плохих парней в масках и с пистолетами.

– Позвони домой и скажи, что остаешься у друзей. Завтра я провожу тебя и мы все уладим. Надо забрать паспорт и еще кое-какие документы. Ты должен свыкнуться с мыслью, что надолго отсюда уедешь.

Вик удивленно поднял глаза.

– Да, – словно отвечая на незаданный вопрос, продолжил папа, – как я уже говорил, ты скоро сам все поймешь. А пока располагайся.

Я не знаю, как у папы это получается, но он может убедить кого угодно в чем угодно. Вроде бы и слова говорит те же, а результат... на лицо: Вик в замешательстве пристроился на краешек дивана. Папа удовлетворенно кивнул и вышел.

Ма, добродушно улыбаясь, уже включала чайник, а я тихонько выскользнула в коридор, еще хранивший отпечаток недавних событий. Хотя кто-то тут основательно прибрался.

Па решительно добывал из недр тумбочки кроссовки.

– Получилось?

– Похоже на то.

– Он... оборотень?

– Похоже на то...

– Тебе обязательно уходить? – я чувствовала себя испуганным ребенком.

Он улыбнулся и потрепал меня по волосам.

– Я быстро вернусь. А тебе, – он накинул куртку и продолжил, не скрывая веселья, – предстоит объяснить молодому человеку, кем он теперь является. Так что скучно не будет. Уверен!

– Эт точно, – обреченно подтвердила я, выходя следом за ним на площадку.

– Знаешь что, а мне он нравится. У тебя глаз-алмаз! – неожиданно сказал папа и, подмигнув мне, бесшумно скрылся на лестнице.

– Да уж!!!! – вспыхнув, я с грохотом закрыла дверь.

Вот почему им такие мысли в голову приходят, а? Никак меня просветать не могут, отчаялись?! В каждом парне рядом кавалер мерещится?

И Майк туда же. Спит и видит, чтобы я избавила его от повинности. Не дождетя. Пусть страдает.

Я внезапно стала серьезной.

И как прикажете исполнить поручение?

Знаешь, Вик, ты только не удивляйся, но, возможно, у тебя теперь есть хвост! Так что ли?!

А еще... мне очень не хочется, чтобы Вик узнал, кого именно он трепал за ушами и с кем откровенничал, и... что именно я его во все это втянула. Пожалуй, мне было стыдно.

Глава 8

Брезгливо обойдя многострадальный ковер, я промаршировала к себе в комнату и рухнула в кресло. Надо было подумать, но мне, разумеется, не дали.

Вик вошел без стука, что не прибавило настроения. По лицу его было видно: мне сейчас устроят жестокий допрос.

– Может, хоть ты мне что-нибудь объяснишь? Чем все закончилось? Кто это был? Милицию вызывали?

Я несколько развеселилась из-за последнего вопроса. Как он себе это представляет?! Два растерзанных волком человека в городской квартире!

Е-мое... А ведь действительно непонятно. И странно. И страшно.

– Меня вырубил немногим позже, но одно могу сказать точно, – я растянула губы в улыбке, – они уже никому больше проблем не доставят.

Что-то в моем голосе заставило Вика поежиться. Он медленно присел на корточки, заглядывая мне в глаза.

– Лона, что происходит? – тихо спросил он.

Ух, ты у меня сейчас все узнаешь!!!

– *Масте!* (отлично) – с какой-то отчаянной решимостью начала я, – Все тебе сейчас станет понятно! – и с размаху съездила Вика по лицу здоровой рукой.

– Что та... – в его глазах вспыхнул янтарь. Ух ты, и вправду сработало!

Не давая договорить, я сдернула со стола зеркало и сунула ему прямо под нос.

– Ну и? – в полном недоумении спросил Вик.

Отодвинув безделушку, я с сожалением изучила спокойные серые глаза.

Вот это да! Какой врожденный контроль!

Или он просто не в состоянии на меня по-настоящему злиться?

– Упс, не получилось. Сейчас попробуем еще раз, – оптимистично предложила я, размахиваясь.

– Может не надо, – Вик словил мою ладонь, и, не выпуская на всякий случай, поинтересовался. – Что ты делаешь?

– Пытаюсь заставить тебя злиться! – доходчиво объяснила я, награждая его пинком.

Да... Вик скорее удивился... Что же делать?!

Через минуту меня уже скрутили.

Ой, больно! Ну все, будем демонстрировать наглядно!!!

– У тебя с головой как? – поинтересовался тем временем Вик, прижимая меня к себе, чтобы не вырвалась.

Сильный стал, зараза, так просто и не вырвешься. Значит, пойдем другим путем.

– Проблемы! – радостно оповестила я, поворачивая голову и ненавязчиво демонстрируя улыбку, которой и акула позавидует.

Виктор отшатнулся. Я продолжала наступать. Глаза горели, уши заострились. Моя гордость – частичная трансформация. Долго училась. Очень. Оборачиваться полностью гораздо проще.

– Если разозлишься, у тебя будет такая же неподражаемая улыбка, – выдвинула я «соблазнительное» предложение.

Вик внезапно перестал пятиться и расхохотался, сползая по дверце шкафа. Я, ожидая чего угодно, но только не этого, в растерянности замерла посреди комнаты. Мой внешний вид постепенно принимал привычные очертания.

– Этого просто не может быть. У меня глюки!! – радостно поделился он догадкой.

– А вот глюк возьмет сейчас и укусит тебя за нос, – возразила я, присев рядом.

В квартире погас свет...

... в самое неподходящее время!!!

– Слушай, а на улице еще не стемнело.

– Это ты в темноте видишь.

– Конечно, а бананы растут на березе!

– Ну как мне заставить тебя поверить?! – почти простонала я.

– Не знаю, – флегматично отозвался Вик, изучая мое лицо.

Мы помолчали. От его пристального взгляда сердце предательски ретировалось куда-то в район пяток и истерично там застучало.

– Ты кто? – внезапно спросил Вик.

– Оборотень...

– Покажи...

Я поднялась и в нерешительности замерла.

– Отвернись!

Вик кивнул. Я скинула испорченное платье и плавно опустилась на четыре лапы.

– Можешь обернуться. Ах ты...!!!!

Судя по абсолютно обалдевшему лицу, он и не думал отворачиваться!

– Ты тррррррррррруп!!! – отчетливо пояснила я, гоняя по комнате Вика, чья «гениальная» идея отгородиться от меня столом ни к чему не привела.

– Теперь верю... – констатировал он, пулей вылетая в коридор.

Культурный мальчик – даже дверь за собой закрыл!

Когда я уже оделась и пыталась дозвониться папе, на пороге снова появился Вик. Со свечкой. Я страдальчески закатила глаза.

Ох, уж эти человеческие стереотипы. Свет, кстати, до сих пор не дали. И что они на этот раз ремонтируют?!

– Ты за объяснениями?

– Раз я такой же, в чем сильно сомневаюсь, – неуверенно начал Вик, – должны быть, наверное, какие-то правила, запреты... Столько читал...

– Ерунды всякой! – отмахнулась я, тяжело вздыхая. Но уже через пару минут во всю мерила шагами комнату, лекторским тоном разъясняя основные законы:

– Люди о нас знать не должны. Но это ты уже понял. Осина – бред. Если вогнать ее в человека, оборотня и кого-нибудь еще, результат будет один и тот же. Дальше... Чеснок... – еще больший бред. Я, например, очень борщик люблю и ничего, жива. Серебро... Советую от столовых приборов не шарахаться. Глупо выглядит, да и разорились бы они, если бы звездочки из него делали. А вот сейчас слушай внимательно! Единственное, что действительно опасно, это милирит. Метал, который очень редко встречается в природе в чистом виде. И эти, – кивок в сторону коридора, – выплавляют его и используют как оружие. А значит: в руки не брать, из раны, если таковая имеется, достать сразу. Неброский зеленоватый металл, ты его сразу узнаешь, даже если никогда раньше не видел.

– А как он действует? – неожиданно заинтересовался Вик.

– Обжигает, никто из нас не может взять его в руки. Раны, нанесенные милиритом, заживают очень медленно и не исчезают при трансформации. Кстати, шрамы остаются только в двух случаях: если они нанесены им, или когтями сородича. Отсюда вывод: оборотни не должны наносить вред друг другу, нас и так мало.

– А еще кто-нибудь есть? Ну вампиры там... эльфы? – поинтересовался Вик, видно больше никого сходу не вспомнил.

– Не знаю, не встречались, – хмуро пошутила я. – Можешь скромно считать себя самой опасной тварью на планете.

Мне смутно не нравилась тишина, воцарившаяся в комнате. Я обернулась... и завизжала.

– АААААА!!!!... Брось немедленно!!!

Вик удивленно поднял глаза. Он только что бережно вытер МИЛИРИТОВУЮ звездочку, и сейчас совершенно спокойно ДЕРЖИТ ее в руке!!!

– Тебе не больно????!!!!

– Как видишь...

– Ты хоть знаешь, что это????!!!

– Догадываюсь...

– Где взял?!

– В диван с обратной стороны воткнута была, вы не заметили.

– **НО ЭТОГО ПРОСТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!!!**

Внезапно обессилев, я сползла в кресло.

Фантастика! Нереально!!! Просто не могу в это поверить!!! Оборотень не может вот так вот запросто играть с милиритом...

Подождите-ка... Как же это я раньше не сообразила.

– Раздевайся!

– Чего?! – ошарашенно уточнил Вик.

– Ну, рубашку задери!

– Зачем?!

– Надо!!!

На всякий случай отступив от меня как можно дальше Вик неуверенно приподнял рубашку.

Вот оно. Точно. Никаких повязок, только легкая синева там, где раньше была страшная рана. Но как такое возможно? Моя рука все еще кровит под повязкой, ведь повреждения милиритом не заживают сами. **НЕ ЗАЖИВАЮТ!!!**

Дверь беззвучно распахнулась.

Па, бледный и потрепанный, оперся на косяк.

– Вы вдвоем ноги в руки и бегом к дому. Будете ждать там. Наши оппоненты оказались шустрее, чем я думал. Быстрее! – он выглядел ужасно уставшим.

Вик торопливо одернул рубашку. Я вскочила...

– ПА, мне нужно...

– Все потом... завтра... Если выберемся... Мы с мамой заберем вас. Не высовывайтесь – ждите!

Помедлив несколько секунд, я ринулась к двери. Одним прыжком преодолела лестничную площадку и, приземлившись уже на лапы, побежала вниз. Вик с трудом поспевал за мной.

Во дворе, в паре десятков метров от двери, я резко затормозила и нырнула в кусты. От обрывков одежды следовало избавиться немедленно.

Не очень прилично выражаясь сквозь зубы, Вик пролез следом.

– Что мы будем делать дальше?

Я отмахнулась хвостом, напряженно наблюдая за подъездом. У входа припарковалась машина, следом за ней подъехала пара мотоциклистов – всего человек шесть охотников. Большинство скрылось в подъезде... но двое, похоже, решили осмотреть двор.

Мда...

Жестко осадив Волчицу, рвущуюся на помощь родителям, я тихонько выбралась на тротуар и потянула за собой Вика. Сильная боль в плече напоминала, что боец из меня никудышный. Отцу только помешает, если мы станем путаться под ногами.

Притаившись за мусорными баками, я взглянула на Виктора.

– Что...

– Возьми любую банку и бррррсь воон туда, – я кивнула на другой конец двора.

Вик на глаз измерил расстояние.

– Не долетит.

– Это ррраньше не долетела бы, – отрезала я.

Охотники уже обшаривали наш куст и явно нашли обрывки одежды. Брезгливо поднятая банка просвистела у них за спиной. Снаряд угодил прямоком в какие-то доски (и так готовые рассыпаться, как карточный домик). Охотники мгновенно обернулись на шум. Пользуясь заминкой, мы с Виком слаженно метнулись за угол дома.

– А кто такие «охотники»? – на бегу у Вика прорезалось здоровое любопытство.

– Банда психов, выдрессированных убивать таких, как мы.

– А почему...

– НЕ ЗНАЮ!!! – рявкнула я, – Мы жили в стае как норррмальная семья, потом внезапно папа брррсает все – и мы уезжаем. Я даже не знаю почему! А теперь за нами гоняются охотники в немислимых количествах!!! Так ладно, идем к дому. Будем ждать и надеяться на лучшее.

– Но ведь можно пойти ко мне и ...

– И подверрргнуть опасности еще и твою семью?! Нет, хватит. Я уже однажды не послушалась.

– И к чему это привело?

Иш ты, любознательный какой!

– Ты едва не погиб, оказавшись у меня дома!

Каким-то седьмым чувством Вик понял, что эту тему лучше оставить.

– А куда мы идем?

– Увидишь, – отрубила я. Разговаривать не хотелось.

Часть вторая или сын богов – одна штука

Глава 1

Я отлично вижу в темноте и обычно безошибочно определяю направление, но сейчас стоило быть особенно осторожной. Мы вошли в лес, избегая открытых мест, и уже почти добрались до дома, как...

– Отойди!!! – я едва успела отскочить в сторону. В дерево за моей спиной с жужжанием вонзились звездочки.

Охотник. Пока один, но это ненадолго.

Вик, не раздумывая, бросился на него сбоку.

– Что ты делаешь, идиот!!!! Они поодиночке не ходят! Дрррапать надо!

В подтверждение моих слов, из кустов выскочил еще один, и двинулся ко мне, не забыв по дороге приложить Вика рукоятью ножа по голове.

НУ, ВСЕ!!!! Зверю...

За тем, что происходило дальше, я наблюдала фактически со стороны. Волчица отпихнула меня вглубь сознания, решая возникшие проблемы своими методами.

Гигантским прыжком преодолев расстояние, мы опрокинули охотника на землю и вцепились зубами в незащищенную шею. Потом, отбросив беспомощное тело, бодро захромали в другой конец поляны.

Лапа пострадавшая в квартире разболелась снова. Рана на ней, и так кровившая, вновь открылась.

Вик уже пришел в себя и героически возился со вторым «оппонентом».

«Пусть убьет!» – я впервые слышала мысли своей второй половины так отчетливо. Волчица тем временем отступила в глубь сознания, возвращая мне контроль над телом.

– Избавься от него! Иначе они будут знать, где нас искать, – потребовала я, срывающимся голосом.

Черт как же неудобно волчьей пастью разговаривать!

Воительница, чтоб меня! И с каких это пор я так легко распоряжаюсь чужими жизнями?!

– Я... не... могу... – пропыхтел Вик имея в виду, как моральные принципы, так и силу противника.

– Поздно, – обреченно констатировала я, пятясь. Из леса вышли еще двое.

Да сколько же вас?!

Я оскалилась, собирая оставшиеся силы. Волчица глухо ворчала где-то внутри, готовясь к бою. Спасибо, подружка, но дважды нам повезти не может.

Один из охотников неторопливо поднял пистолет.

Вот это что-то новенькое! С каких это пор охотники ритуальное оружие заменили огнестрельным?!

Мой взгляд метался по поляне, ища малейшую зацепку, хоть какой-то шанс на спасение. На трех лапах особо не побегаешь, но ничего лучше, чем попытаться удрать, в голову не приходило.

Вик отчаянно рванулся ко мне, упал.

ТОЛЬКО НЕ...

Его фигуру на мгновение изломала трансформация. Так же нельзя! Он просто не сможет, контролировать Волка! Хотя... Я покосилась на охотников. Какая теперь уже разница. Все равно нас сейчас обоих...

Додумать мысль я не успела. На поляну выскочил пепельно-серый волк и плечом отбросил меня в кусты, разворачиваясь к охотникам. Но те и без него не скучали, старательно пятясь от двух злющих оборотней, неизвестно откуда взявшихся на поляне. Раздались выстрелы, но, похоже, других Волков это не обескуражило так, как меня.

– Ты не волк, Лона, а комнатная болонка! – даже в волчьей ипостаси Майк ухитрился соорудить презрительную гримасу.

Происходящее на полянке, закрывал мохнатый бок «проклятия», чему я была несказанно рада, а потому не торопилась подняться на лапы.

– Стоит, глазами хлопает, ждет, пока из нее дуршлаг делать начнут...

Я снизу вверх смотрела на сияющие в полутьме янтарные глаза Майка, толком не понимая, о чем он говорит. Смотрела – и впервые в жизни не чувствовала неприязни.

– ... Секундой позже либо я звезду в зад бы получил, либо одной девицей...

– Спасибо, Майк.

– ...стало меньше! Что?!

– Спасибо, говорррю, – я попыталась подняться, не опираясь на левую переднюю лапу. Это вряд ли бы удалось, не поддержи меня Майк зубами за загривок. Он был в полтора раза крупнее и мог держать меня без особых усилий, но я все же постаралась побыстрее подобрать расплзающиеся конечности, не злоупотребляя неожиданной добротой.

– Как тебе, однако, досталось.

Или у меня начались галлюцинации, или в голосе «проклятия» действительно прозвучало сочувствие.

Тихо хрустнули ветки, шевельнулся ближайший куст. Майк резко развернулся, лицом, то есть мордой, встречая новую опасность. На поляну осторожно вышла миниатюрная, изящная волчица.

– Не навоевались еще? – мама, похоже, чувствовала себя не в своей тарелке, но изо всех сил старалась не подавать виду.

Я готова была завизжать от счастья, а Майк сконфуженно опустил голову.

– Майк тебя отец зовет. О Лоне я сама позабочусь.

Не задавая лишних вопросов, мое «проклятие» исчезло за кустами.

– Такой хоррроший мальчик. И почему Вы не дружите? – мама была в своем репертуаре.

– Ты не поверрришь, сегодня я была очень рррада его видеть! – сарказма в моем голосе хватило бы даже на то, чтобы смутить Верховный совет в полном составе, но на маму это не действовало.

– Вперрреди всех тебя спасать помчался.

– Кто? Майк?! – даже мое богатое воображение наотрез отказывалось это представить. –

А Вик где?

– У тебя за спиной.

Я медленно развернулась.

Вот. Это. Да...

Виктор стоял совсем рядом, жалобно глядя на меня. Такой взгляд был особенно трогателен в купе с хищной, сплюснутой с боков, остроухой мордой и внушительным запасом клыков.

– Ерр мое... – промолчать было выше моих сил.

Я видела такого волка лишь однажды на гравюре в одном из томов Центральной библиотеки. И говорила там, что такая форма головы характерна только для...

– Лона тебе надо обернуться и переодеться. На трех лапах ты далеко не ускачешь, а потому... – к нам неспешно подошел крупный черный волк. Чуть прищуренные янтарные глаза смотрели спокойно и внимательно, а мех, казалось, поглощал лунный свет. Я всегда хотела быть как отец, но мне, увы, достался незатейливый серый мех.

– ... шевелимся, и быстро.

Вик заморожено разглядывал отца. Под лощенной блестящей шкурой бугрились мышцы, а в холке он был выше самого Вика сантиметров на десять. Отец, один из лучших бойцов стаи, и в человеческом-то виде на рост и комплекцию не жаловался, что уж говорить о волчьей ипостаси. Мы с мамой на его фоне казались комнатными собачками.

Дорога до дома прошла без приключений, но судьба подготовила мне еще один сюрприз: по пути я узнала, что семейство Майка едет с нами в стаю.

Я, конечно, благодарна ему за участие и все такое, но пять(!) часов в замкнутом пространстве поезда фактически наедине с «проклятием»...

Это станет серьезным испытанием для моей пошатнувшейся за последние сутки нервной системы.

Глава 2

Серое безрадостное утро.

Морщась, я шла по холодной и мокрой от росы траве. Настроение было отвратительным. Ушли все эмоции, остался только страх, а во сне я снова и снова наблюдала словно бы со стороны тот прыжок, чуть удивленное лицо охотника, чувствовала солоноватый вкус крови.

Родителям было не до меня, они помогали Вику. Я едва ли помню свою первую трансформацию, но знающие оборотни говорят, что это не самый приятный набор ощущений.

За спиной хрустнули ветки. Как слон ходит!

Обернувшись, я встретила Вика напряженным взглядом. Но он не собирался приставать с разговорами. Просто стоял и смотрел немигающим взглядом на развалины старого здания, в уцелевшем подвале которого и находилось наше убежище на случай непредвиденных обстоятельств.

– А почему дом? – нет, все-таки не выдержал.

– А что ты знаешь об этом? – я махнула головой в сторону развалин.

Вик коснулся рукой стены, разрушенной почти до основания.

– Что-то должен? Бабушка говорила, тут кто-то жил еще до войны, потом собирались что-то строить, но почему-то так не построили.

– Просторный холл, уютная гостиная высокие потолки с лепниной, ковры, старинная мебель, и картины, картины, картины... Двухэтажное здание с множеством пристроек; дорогие шторы на огромных окнах и библиотека, собираемая хозяевами на протяжении сотен лет...

Я говорила, не видя перед собой полуразрушенных перегородок, деревьев, травы. Мне мерещились изящные арки, узкий длинный холл, по которому, осторожно ступая, идет женщина в длинном богатом одеянии с темными волосами и янтарным блеском огромных глаз. В хозяйке было что-то волчье: может крадущаяся походка хищника, может напряженность вышедшего на охоту зверя.

Вик заворожено слушал, медленно скользя рукой вдоль того, что когда-то было стеной отделяющей коридор от малой гостиной.

– Там всегда ярко горел огонь в камине, женщина, зябко кутаясь в шерстяную шаль, не отрываясь, смотрела на пламя...

Внезапно, в выломанную дверь ринулись вооруженные люди. Она встала, и, сложив руки на груди, неподвижно ждала.

Волна революции докатилась и сюда. Женщина знала: ей не скрыться, но жертвой своей она спасала других, в ком обязательно продолжит жить как мать, бабушка, кто сохранит и приумножит все, что было ей так дорого.

Она упала там, где ты сейчас стоишь...

Отец своими глазами видел, как умерла моя прабабушка, он вернулся вопреки обещанию, надеясь, что сможет убедить ее бежать, и опоздал... Молодой волк, отчаянно желающий отомстить людям, разбирающим на сувениры все, что можно было унести...

Постепенно дом был разрушен. Часть того, что удалось сохранить, храниться в Б. Когда-то вся земля вокруг поместья была нашей, а теперь мама с папой едва сумели выкупить этот лес – некогда ухоженную парковую зону. Ты не представляешь, сколько на это потребовалось денег, нервов и связей!

Завораживающие картины из прошлого, схлынули, уступая место реальным планам.

– Папа говорит, что когда у него будет время, мы восстановим дом по старым чертежам. Он столько рассказывал, когда мне удавалось привести его сюда. Впрочем, ладно, – я тряхнула головой, отгоняя наваждение. – Пошли, а то родители волноваться начнут.

Мама пыталась развлечь нас историей про их с папой боевые действия в квартире, но я была не в настроении, а Вик не в состоянии, слушать. Им немало помог тот факт, что часть нападающих пыталась отследить нас во дворе и в лесу. Воевал в основном папа, мама же «грозно» рычала из-за дивана, стараясь, чтобы хвост особо не дрожал.

Глава 3

Я стояла на привокзальной площади, ежась на пронизывающем ветру, когда мне в голову пришла одна многообещающая мысль. Настроение улучшилось. Все-таки порой судьба бывает ко мне очень благосклонна. Буквально через несколько минут я получу целую гамму положительных эмоций, когда мое «проклятие» обнаружит сюрприз. Нужно только дождаться...

На дальнем конце перрона появилось семейство Майка. Мы тут же замахали руками. Надо признать, выглядела наша компания, как семейка погорельцев, чем привлекала нездоровое внимание окружающих. Какие-то вещи всегда хранились в доме на подобный случай, но актуальностью они не отличались. Каждому из нас хотелось побыстрее оказаться в купе поезда и плотно закрыть за собой дверь.

Майк неспешно подошел к нам с Виком, стоящим чуть в стороне от родителей. На лице его читалось легкое удивление.

– А... что этот тут делает? – холодно поинтересовался он и внезапно замолчал.

Ага! Почувствовал!!

– Да так, мимо проходил, – флегматично сообщила я. – Ты неважно выглядишь, Майк. Все в порядке?

– Нет, – растерянность все отчетливее проступала на лице «проклятия». Майк чувствовал в Вике сородича, а так как я не подавала вида, что что-то изменилось, он всерьез начал беспокоиться за собственную адекватность. – Наверное, мне почудилось...

– Зеленые человечки, нло, новый оборотень? – я уже не скрывала издевательской улыбки.

Удивление на лице «проклятия» резко сменилось злостью – зеленые глаза полыхнули янтарем.

– Издеваешься? Лучше делом займись и расскажи, каким это образом, человек, вместе с которым я учусь уже пол года, неожиданно начал ощущаться как оборотень?! Причем так, – он сделал паузу, сверля меня почти ненавидящим взглядом, – чтобы я поверил!

– Дай хоть слово вставить, и мы все тебе расскажем, – устало попросил Вик. Ему тяжело дали последние сутки. Я вообще удивляюсь крепости его психики и умению владеть собой. Думаю у меня на месте Виктора от стольких потрясений уже просто крыша бы поехала.

Майк недовольно покосился в сторону одноклассника, но смолчал. Ему, похоже, не очень нравилось, что теперь придется относиться к Вику как к равному. А ведь «проклятие» еще не знает того, что знаю я. Хоть это и одни предположения, все равно сюрприз, причем не только для Майка.

Хотя... папа явно знает. Но молчит, а значит эффект неожиданности не испортит.

Рассказ не занял много времени и не вызвал бурной реакции слушателя. Майк несколько раз приподнял брови в самых интересных местах, а в конце и вовсе рассмеялся.

– Теперь понял, кто был тот оборотень вчера в лесу. Я еще подумал, что за придурок не может защитить себя и девчонку. Приношу свои извинения, тебе действительно было не до спасения непутевых одноклассниц.

– Каких одноклассниц? – я медленно начинала закипать.

– Непутевых, – любезно повторил Майк. – Есть такое слово в русском языке, оно означает...

– Заткнись!

Я была благодарна Майку за спасение, но он, похоже, твердо решил навестить упущенное и загладить свой единственный рыцарский поступок двойным объемом хамства.

– Не угадала, это слово означает не «заткнись», а...

– Умолкните, оба, – тихо, но твердо потребовал Вик. В серых глазах сверкнула янтарная молния. Скандалить почему-то сразу расхотелось.

Глава 4

Вечерело. Мы ехали уже часа три. На полке лежал романчик про оборотней, купленный на вокзале, но читать не хотелось. Вообще ничего не хотелось. На перроне я узнала причины, по которым семейство Майка, да и мое, неожиданно решило примкнуть к стае. И дело было вовсе не в облаве.

Три дня назад из-за несчастного случая погиб действующий анор. Стая осталась без вожака. Но это только пол беды. Должность вот уже три года как занимал папин лучший друг... Отец Келли...

Эмоций не было, я просто не могла представить, что приду в гости к Рыжику, а дядя Алан так и не зайдет в комнату, не подмигнет заговорщицки и не спросит: «Ну что, Мышка, как дела?» Он всегда называл меня Мышкой, это казалось очень смешным.

В бессильной досаде толкнув лапой романчик, я осмотрелась. Вик сидел возле окна и активно просвещался, штудировав одну из полученных от папы книг. Такие вещи как-то неуместно было хранить в городской квартире, так что на счастье Виктора вся наша библиотека и кое-какие раритетные безделушки находились в доме, и пришлось как нельзя кстати в сложившейся ситуации.

«*Быт, уклад и нравы волчьей общины*».

Почувствовав мой взгляд, Вик оторвался от чтения.

Благородный профиль Виктора особенно эффектно смотрелся в лучах заходящего солнца.

Сейчас будет вопрос...

– Лона, а кто такие «асаху»?

Бесконечные «почему» Виктора были единственным, что хоть как-то спасало от подбирающейся хандры.

– Ты, – ответила я, помахивая свесившимся с полки хвостом.

– А конкретнее?!

Похоже нервы у Вика все-таки есть и они не железные.

– А если конкретнее, слушай сказку. В древности считалось, что коснуться милирита могут только избранные. Этих избранных (одного на дюжину обычных оборотней) и называли асаху. Они были советниками, жрецами. Мужчины были необычайно сильны, а женщины – красивы. Они были выносливее, лучше владели контролем. Честно говоря, я считала, что способности асаху сильно преувеличены. Последний такой оборотень на территории нашей стаи погиб во вторую мировую войну. Пока не увидела своими глазами, что можешь ты. Это поразительно.

– Асаху, милирит – слова такие непривычные, – задумчиво повторил Вик.

Я улыбнулась.

– У оборотней есть легенда, что создали нас два божества: *Millard* (Сильный) и *Ridhi* (Процветание). Много дали они, нет на земле равных нам по силе. Тьфу! Сразу видно, что учила в детстве этот зубодробительный текст! Короче, чтобы жизнь малиной не казалось, сотворили они нам в устрашение метал неизвестный, до которого мы никогда не сможем дотронуться. Чтобы не забывали, значит, создателей. А приглядывать за нами они оставили своего сына – *Azahu*, что переводится, как рожденный с божьей помощью. Вот так-то. Если подвести итог: в тебе течет кровь сына богов! Добро пожаловать в реальность.

Вик невесело усмехнулся.

– Я и с ролью оборотня-то до конца не сжился. Куда уж мне в сыновья бога.

Я улыбнулась.

– Не думаю, что жрецы тех времен сами выбирали свою судьбу. Они рождались, чтобы стать оплотом веры в будущее рода Волка. К тому же, пока хребет у лошади не переломится, никак не узнаешь, что взвалил на нее слишком много. Твой – пока цел, так что еще не все потеряно! – оптимистично закончила я.

Вик без особого интереса уткнулся обратно в книгу. Еще бы, узнать в выпускном классе, что ты наследственный святой черт знает в каком колене, это ж какие нервы иметь надо.

Я натянула зубами покрывало оборачиваясь. Раз уж поднялась эта тема, лучшей возможности признаться еще кое в чем, не предвидится. Надо ловить момент. Я поспешно достала из нагрудного кармана старой джинсовой куртки свои сокровища: колоду старинных карт и сверток из прочной оберточной бумаги.

Мне так нравилось просто раскладывать эти карты, подолгу разглядывая сложные узоры и красочные картинки, на которых богато одетые люди с приятными лицами словно замерли на мгновение, задумавшись.

– Откуда это у тебя?! – Вик смотрел на колоду во все глаза.

– Ты их уже видел? Где? – мне нужно было всего несколько кусочков мозаики, чтобы сложить воедино картину, полную загадочных и пугающих совпадений.

– У моей бабушки такая же колода, она жила в А, как раз там, куда мы сейчас едем.

Я глубоко вдохнула. Ну все сходится, знать бы ещё как такое возможно.

Погодите-ка...

– Ты сказал жила?!

Вик удивленно взглянул на мое расстроенное лицо.

– Ее больше нет с нами...

– Мне очень жаль...

– Говоришь так, словно вы были знакомы.

Я вздохнула.

– Были. И она просила передать это, если ее внуку когда-нибудь понадобится помощь, – я осторожно толкнула к Вику сверток.

Он развернул бумагу и бережно поднял за шнурок милиритовый диск с символом стаи, такое украшение носили только асаху.

– Что это такое?

– А вот тут явно придется начать издалека...

Глава 5

В маленьком домике в конце улицы, на последнем этаже жила старушка. На первый взгляд – ничего необычного: сидела на лавочке, грелась на солнышке, ругала молодежь, исправно просила поднести по лестнице сумку. И вот однажды, когда я в очередной раз тащила тяжеленную авоську с продуктами (проще помочь, чем месяц потом выслушивать, как весь дом, где она живет, рассуждает о черствости современной молодежи на конкретном примере) вредная старушенция предложила зайти к ней выпить чаю. Она жила одна в просторной двухкомнатной квартире до невозможности чистой и опрятной.

Я неловко завозила, сбрасывая туфли.

– Лоночка, можешь не ругаться! – активная бабулька уже во всю гремела посудой.

«Поздно», – мрачно подумала я, гадая откуда старушенция может знать, как меня зовут дома.

Маленькая кухонька с яркими занавесками и двумя древними, внушающими искреннее уважение своим возрастом табуретками мне как-то сразу понравилась. На столе уже стоял большой чайник с солидными круглыми боками и гордо задранной ручкой, пара блюдец и две пузатые чашки разного сервиза.

Я невольно улыбнулась. Чай пах мятой, а обычная докторская колбаса, добытая в русском магазине была почему-то гораздо вкуснее, чем дома.

Хозяйка сидела напротив и внимательно разглядывала меня поверх чашки.

– А ведь ты не такая, как все, – неожиданно дружелюбно сказала она.

Я вежливо пожала плечами, предпочитая не задумываться над тем, что именно она имеет в виду.

Как-то незаметно для себя я все чаще подносила авоську и устаивалась чести пить чай в чистенькой кухне. Мне нравилась заглядывать в комнаты, рассматривать старую мебель, ковры, а главное, остановившиеся часы ручной работы, невозможно дорогие для такой обстановки. Казалось, что вместе со стрелками на циферблате, навсегда замерло в далеких 60-х само время в этой квартире.

Мы исправно пили чай, старушенция расспрашивала об учебе, интересах, друзьях, изредка рассказывала что-то о своей молодости, старательно избегая вопросов о том, почему живет одна в этой квартирке под крышей.

Прошло не так-то уж и много времени, я стала заходить к ней после учебы просто так, принося с собой еду или что-нибудь из домашней выпечки. Дверь в квартиру никогда не закрывалась на замок, так что, для того чтобы попасть внутрь, надо было просто повернуть ручку. Упрямая старушенция была уверена, что брать у нее нечего.

Как правило, я заставляла ее за вязанием, или за чтением, но однажды, зайдя, как обычно, безо всякого стука, я стала свидетелем не совсем обычного зрелища. Старушка сидела за столом, накрытым большим цветастым платком, и сосредоточенно рассматривала лежащие перед ней карты. Признаться, я не сильно верила в предсказания, но при виде той серьезности, с которой она перебирала карты, в душе шевельнулись сомнения.

Я деликатно постучала по косяку.

– Здравствуй, Лоночка. Не ждала тебя сегодня, – не оборачиваясь, сообщила она.

Я тихонечко приблизилась.

– А что вы делаете?

– Да вот совсем на старости лет из ума выжила, – торопливо прикрывая рукой карты, сообщила старушка.

– А мне погадаете? – неожиданно для себя попросила я.

– Зачем тебе, Лоночка! Живи себе и радуйся, от карт одни беды, – серьезно сказала она.

– Ну, пожалуйста!

– Садись, – покачав головой, сдалась хозяйка.

Я присела на краешек дивана, с замиранием сердца наблюдая, как скользят выдавшие виды карты по бархатной ткани. Старушечья недовольно бормотала что-то, поглядывая то на меня, то на карты, собирала их и снова раскладывала. Совсем рядом со мной на платок лег бубновый валет. Красочная картинка притягивала взгляд. На секунду показалось, что лицо человека на картинке мне знакомо. Как замороженная, я протянула руку, чтобы дотронуться до карты, и мгновенно получила по пальцам сухой ладонью.

– Карты чужих рук не любят! – грозно сообщила старушечья.

Я покорно сложила ручки на коленях.

– Вот это ты, смотри, – она махнула рукой в сторону центральной карты. – Вот это – прошлое, а вот здесь – будущее. Дорога тебя ждет, опасность над тобой висит, не любит тебя кто-то, ох, не любит... от того и беды все, и не только твои. Хорошего тоже вдоволь. Друзья у тебя есть, настоящие. Береги их, девочка... Любовь у тебя будет... волшебная. Больше ничего не скажу, поживешь – увидишь.

Я разочарованно вздохнула. Звучало, конечно, красиво, но пара общих фраз – совсем то, что я ожидала услышать. Любопытство разыгралось с новой силой.

– А про любовь можно подробнее?

Старушка рассмеялась.

– Ох, нетерпеливая молодежь пошла! Бубновый валет твоя судьба. Маленькая ты еще, Лоночка, и он такой же – молодой и глупый. Только, когда вы оба повзрослеете и один из вас найдет в себе силы уступить, только тогда вы будете вместе, а потому счастливы.

Эти слова вместе с теплой улыбкой запомнились мне на всю жизнь, и, забегаая вперед, скажу: уж не знаю чего было больше в том предсказании: магии карт или простого жизненного опыта, но она не ошиблась ни на йоту.

– А научите?

– Может быть когда-нибудь, – спокойно ответила старушечья складывая карты.

Я по-прежнему заходила после школы в квартиру под самой крышей, но к теме гадания мы больше не возвращались. Мне даже стало казаться, что цветастый платок и старые карты, казавшиеся чем-то инородным в этих чистеньких комнатах, мне просто привиделись. Но за несколько дней до нашего отъезда, старушка сама вернулась к этой теме.

– Не знаю, свидимся ли мы еще. Возраст у меня уже не девичий. Я хочу тебе кое-что подарить...

На стол лег сверток из плотной пожелтевшей бумаги. В нем оказалась та самая колода, которую сейчас разглядывал Виктор.

– Эти карты тебя признают. Они принадлежали моей подруге, она такая же, как ты... другая... И отец мой был другим. Знаешь, Лоночка, у меня к тебе будет просьба. Возьми вот это, – на стол лег еще один сверток. – У меня есть внук, его зовут Виктор. Он сейчас живет в Б. Город маленький, возможно, вы даже подружитесь. Если ему когда-нибудь понадобится твоя помощь, ключ из прошлого откроет дверь в будущее.

Глава 6

Вик слушал не перебивая. Я вздохнула, историю следовало закончить.

– Дома я открыла сверток и тут же испуганно отшвырнула его от себя. Кулон из милирита врученный человеком, это было что-то запредельно странное. Я спрятала его с глаз долой, и, признаться, успела позабыть об обещании. Но вот ты выжил – и пазл чудесным образом сошелся, тебе действительно нужна моя помощь.

– А что там насчёт прошлого, ключей и чего-то там еще, – педантично уточнил Вик.

– Переверни кулон, – попросила я.

– Там что-то написано...

– Это *ka-Villa*, – родовое имя твоего прадеда. Твоё имя. Для того чтобы официально принять в стаю, совету нужно было бы установить к какой из ветвей рода ты принадлежишь. Так что это действительно ключ. Держи при себе, никому не показывай. Сперва надо будет расспросить папу, чем отличился твой предок и как дошёл до жизни такой. Обратни – создающие семью с людьми редкость, очень сложно прятать от кровожадных родственников подобный союз, а уж асаху имеющий ребенка от человеческой женщины – это вообще на грани.

– Но почему она отдала кулон тебе, а не мне? – все-таки спросил Виктор.

– Ты последний. Уже в тебе крови оборотня едва – едва, у твоих детей трансформация была бы невозможна. А кулон должен был вернуться в стаю с тобой, или же без тебя, знаменуя тот факт, что род угас окончательно.

В купе постучались. Вик спрятал кулон под рубашкой и молча побрел открывать.

– Подъезжаем к границе, – объявил папа, входя в купе и садясь напротив. Мама скользнула к окну.

Несколько минут мы сидели молча, потом Вик попросил показать наши паспорта. Па ничуть не удивляясь, протянул ему документы.

– Орлова Елена Романовна, – открыв первый, прочитал Вик.

– Так точно, – отозвалась я.

– Ясно... виза меньше чем за сутки, это конечно впечатляет, – отметил Вик, продолжая вертеть паспорта.

– Везде свои люди, то есть оборотни, – я фыркнула. – Ты не забывай, что у стаи свои границы, и человеческие к ним никакого отношения не имеют.

– О...

– Стая небольшая, но нам нужно иметь возможность переезжать с места на место, и чем больше наша территория, тем безопаснее: меньше вероятность столкнуться с постаревшими знакомыми.

Вик сосредоточенно кивнул. Он впитывал информацию как губка, но любознательности в сложившейся ситуации было явно маловато. Новому асаху предстояло за минимальный срок выучить, а главное, поверить в то, что любой нормальный оборотень знает с рождения.

Глава 7

Наша поездка подходила к концу. Я брела по вагону, изнывая от безделья. Границу мы прошли около часа назад, причем, относительно быстро (это смотря с чем сравнивать). А когда поезд тронулся снова, я даже открыла романчик. Но много прочитать не успела.

– У тебя есть зеркало?

Вопрос Вика застал меня врасплох.

– Зачем тебе? Губы подкрасить?

Вик неопределенно тряхнул головой.

– Смотри, у меня начало получаться, – он повернулся.

Нереально!

Меня, похоже, заклинило на этом слове!

Он прямо на моих глазах изменил форму ушей, выдвинул клыки, а потом привел все в норму.

– Ничего себе! Мне, чтобы этому научиться, потребовалось несколько лет! А ты... за пару часов?!

– Что в этом сложного? Ведь каждый из вас автоматически видит в темноте, или слышит лучше человека в любом обличье!

– Тут не все так просто. Одно дело, когда мы просто подстраиваемся под окружающий мир, другое – когда это происходит осознанно. Второму надо учиться так же, как и контролю. Разум должен преобладать над инстинктами. Всегда.

Протянув Виду зеркало, я некоторое время молча наблюдала за ним.

Стыдно признаться, меня глодала зависть. Черная, причем! Впервые в жизни. Мне бы его возможности! Еще вчера он был никем, а сейчас...

Встав, я тихонько вышла из купе.

Нельзя так думать. Вик не просил, и ноша, что я на него взвалила, в любой момент грозит стать неподъемной. Радоваться надо, что он весь из себя такой уникальный. Был бы как все, просто не выжил.

Это все нервы, нервы, нервы... Стоит мне взять себя в руки и это странное ощущение собственной ограниченности исчезнет, как будто его никогда и не было.

Свобода, которую я давала своей Волчице, легкость частичной трансформации и возможность сколько угодно долго удерживать это состояние частенько изумляли стаю. Я заслуженно считала себя в некотором роде одаренной, ведь переплюнуть меня, мелкую соплячку, пока никому не удавалось.

А Вик за два часа свел на нет все мои достижения.

В тамбуре было прохладно. Я с тихой тоской смотрела на пролетающие за окном поля, кажущиеся в темноте бескрайним морем. Вот резко рванулся вверх лес, зубцами прикрывая янтарный глаз луны на горизонте.

Грохнула дверь, и рядом со мной очутился Майк. Я совершенно не ощутила восторга от подобного соседства.

Может уйти? Хотя нет, в купе сидит Вик, а объясняться с ним по поводу перепадов моего настроения совсем не хотелось. Лучше «проклятие» отсюда выгоню!

Я вздохнула. Майк покосился на меня, но смолчал, за что я была ему искренне благодарна.

Вагон, покачиваясь, мчался вперед. Мне всегда нравилось стоять вот так: смотреть в окно, слушать стук колес, мечтать, или представлять, как встретят меня друзья, какое лицо будет у Аньки, у Мика, когда он услышит о моем возвращении. Но даже в страшном сне мне не могло привидеться, что все сложится именно так.

Поезд резко затормозил. Завизжали рельсы, вагон содрогнулся. Майка швырнуло на стену, я, некрасиво высказавшись, полетела следом и едва успела выставить руки, чтобы окончательно не размазать «проклятие» по злосчастной перегородке. Гулко стукнувшись головой, Майк некоторое время «наводил на резкость», а потом, ухмыльнувшись, обнял меня за талию. Наши лица едва ли разделяла пара сантиметров, его злые и насмешливые зеленые глаза были возмутительно близко.

– Пристаешь ко мне в общественном месте? Как тебе не стыдно!

От ярости у меня перехватило дыхание.

– Убери руки – прошипела я ему в губы, пытаюсь вырваться.

– Может не стоит?

– Убери руки, я сказала!!!!

– Всегда пожалуйста, – покорно согласится он, отпуская мою талию.

Поезд рванулся вперед. Я рухнула на пол.

Твою ...!!! И ... в ...!!!

Майк галантно подал мне руку, даже не пытаясь скрыть ухмылку. Звонкая оплеуха, снова приложила его затылком о стену. Как давно я мечтала это сделать!

Майк резко выпрямился. В глазах «проклятия» плясало пламя, черты лица еще больше заострились, намекая на начавшуюся трансформацию, растрепанные волосы отчетливо потемнели. Я отскочила к стене, представляя собой похожее зрелище. Вот черт, не хватало еще подраться как в детстве. И это разменяв двадцать лет от роду! В моем возрасте уже как-то по-другому с мальчиками время проводить надо.

Я несколько раз медленно выдохнула, чувствуя, как вместе с воздухом уходит напряжение, как отступает трансформация и расслабляются мышцы.

Давно меня так не выкручивало, а все из-за чего! Из-за дурных новостей и одного бело-брысого кретина!

Майк, хоть и тоже успел утихомириться, продолжал смотреть на меня совсем не ласково.

Стоило, наверное, сказать какую-нибудь гадость, но я предпочла молча вернуться в купе. И уже взялась за ручку двери, как что-то заставило меня обернуться. Майк стоял вцепившись в волосы и вся поза выражала столько безмолвного отчаяния и боли, что вся злость мигом улетучилась. Потоптавшись на пороге, я вернулась и села прямо на пол. Нервишки «проклятия» были на пределе, как и мои собственные. Несмотря на взаимную неприязнь мы оба любили Келли... и дядю Алана. Меня хоть Вик отвлекал, а Майку только и оставалось, что мысленно подгонять поезд, считая минуты до прибытия.

Я тяжело вздохнула. Словно только заметив, что я все еще здесь, Майк развернулся и сел рядом. Рукав его куртки едва касался моего плеча.

Поезд дернулся набирая ход – мерно стучали колеса. Я молча смотрела на верхушки деревьев и темное небо... Накатила безграничная усталость, мысли, от которых я пряталась добрых полдня, грозили навалиться всем скопом. Я уже не смогу с ними бороться. Слишком много всего произошло за неполные сутки. Слишком много.

– Извини, – неожиданно сказал Майк.

– Какие ты слова интересные знаешь, – буркнула я.

Он молчал. Ругаться и вправду не хотелось.

– Ты извини, – неохотно выдавила я. – Вот мы все и узнали ...

Часть третья или мой дом – моя крепость

Глава 1

За окошком такси мелькали, сменяя друг друга, знакомые улочки. Я привычно вертела головой, стараясь не пропустить ни одной детали, ни одной рекламы, или здания, чуть подзабытых, но таких знакомых и родных. Нам оставалось ехать всего минут пятнадцать! Еще четверть часа и я... дома. Впервые за долгие годы смогу обнять друзей, пройтись по родным узеньким улочкам прибалтийского города, зайти в старое здание булочной и посидеть в любимом кафе, в сумерках постоять на площади, глядя, как загорается подсветка величественного здания городской ратуши.

Настроение должно было быть праздничным, но радоваться не получалось. Машина остановилась, я, не особо торопясь, выбралась на тротуар. За два с половиной года здесь почти ничего не изменилось: большой двухэтажный дом с деревянной верандой все так же утопал в зелени старых деревьев, приобретших, разве что, более дикий и неухоженный вид. Низенькая калиточка встретила нас приятным скрипом.

Вик замер на дорожке с интересом оглядываясь по сторонам.

– Проходим! На пороге не толпимся, – вздохнув, я бодро отбуксировала его к крыльцу. Родители поспешили следом.

Повторный скрип калитки заставил нас всех синхронно обернуться. Не знаю, кого мы ожидали увидеть: охотников, верховный совет, Ван Хельсинга, или князя Монако собственной персоной, но вид у нас при этом был весьма недружелюбный.

Молоденькая волчица, моя ровесница, невольно сдала назад, смущенная таким нездоровым вниманием.

– Анька!!!! Как я соскучилась!!! – я первая сориентировалась в ситуации и с воплем кинулась на шею к подруге.

Как же хорошо, что она пришла нас встретить. Я звонила, когда ехала в такси, но не думала, что она сможет добраться так быстро. Не иначе как школу прогуливает.

Разжать руки – оказалось слишком сложно. Мы так и побрели в обнимку, спотыкаясь сперва на дорожке, а потом на каждой из ступенек крыльца.

Нужно было о многом поговорить, узнать как Келли... Я была так занята, что даже не сразу заметила: Вик смотрел на подругу едва ли не с благоговейным восторгом.

Нечестно.

Хотя, надо признать, есть с чего. Анька очень редкая для нас блондинка – ее снежно-белый мех вызывает черную зависть подруг и обожание кавалеров. Да и внешность ее больше подходит оборотням Северной стаи, откуда родом ее отец: узкие темные глаза, угольно-черные ресницы и брови, тонкие черты лица в ореоле белых волос. Картинка с обложки журнала!

– Анька, это – Виктор. Вик, это *Annet*. По-домашнему, можно просто Аня.

Подруга укоризненно взглянула на меня, не нравится ей это сокращение, и протянула руку. Вик встретился с ней глазами – и пропал окончательно.

Я невольно фыркнула.

И тут произошло невообразимое. Скромняжка-Виктор, вместо того чтобы пожать протянутую ручку, поцеловал Анькино запястье.

Ну надо же... Может, когда хочет.

Я перевела взгляд с одноклассника на подругу... и повторно уронила челюсть. Анька выглядела смущенной! Вот серьезно, Анита, никогда не страдавшая от отсутствия внимания,

признанная красotka, которая при желании могла ходить на свидания хоть со школьным сторожем, краснела как гимназистка.

Что тут происходит?!

– Может в дом зайдём? – нарочито громко спросила я. Парочка встрепенулась и посмотрела на меня.

Я уже говорила, что мне это не нравится, а?

Глава 2

Аньке явно не терпелось поговорить со мной с глазу на глаз. Мы ненавязчиво спровадили Вика и оккупировали кухню.

– Почему ты ничего не писала про Виктора? – Анька, наконец, смогла задать вопрос, явно ее мучивший.

Несколько секунд я лихорадочно размышляла, что бы такого соврать. Правду выложить я не имела права, хоть и очень хотелось.

– Мы с ним познакомились перед отъездом, так что проще было рассказать уже здесь, – наконец нашлась я, предельно честно глядя подруге в глаза.

– А вы не...

– Нет, – я обрубилась в корне все неудобные вопросы.

Подруга усмехнулась.

– Понятно. А он странный. В смысле, я чую его по-другому, не так, как тебя или любого другого оборотня нашей стаи.

– Минуту! Чайник, – я сорвалась с места, выигрывая себе пару минут на размышления. О том, что Анька чует кровь не так как другие, следовало бы вспомнить раньше! Не даром *mo'iat*, мать стаи, хотела взять ее в ученицы – такое чутье большая редкость. Вот для меня, например, разницы никакой. Ну кроме визуальной и то, только в волчьем обличье.

И что теперь делать?

– Может это просто потому, что он тебе понравился? – поддела я.

– Лона, не соскакивай с темы.

– Ладно, я потом у папы спрошу, – «сдалась» я. – Сама еще толком не разобралась.

И вот это, кстати, правда.

– Когда узнаешь, скажи. Либо он другой, либо началось... ну ты поняла, – неловко закончила Анька.

Да, я понимала... Черт, и этого я тоже не учла, когда обещала папе никому не рассказывать. Придется сделать исключение.

Но не прямо сейчас. Отец поймет.

– Кстати, ты знаешь, Майк здесь. Умчался к Келли, едва поезд успел остановиться. Как он? – сменила тему я.

Рыжик? Плохо.

Мы помолчали.

Завтра прием. Он там будет, титул нового главы Семьи требует его присутствия. Имени-тые гости в стаю нагрянули.

Я устало покачала головой. Келли потерял одного из самых близких людей, а ему даже не дают возможности прийти в себя. Неужели, нельзя подождать? Я понимаю, совет стаи в большинстве своем застрял в конце девятнадцатого века, когда все эти мероприятия были нормой поведения, но совесть-то надо иметь.

– Ты имеешь в виду...

– Именно, корпоративный тусняк по поводу вашего возвращения, – подтвердила Анька худшие опасения.

– Стая так по нам соскучилась? – жалобно протянула я.

– Экс-анор *ka-Ourren* и старшая ветвь *ka-Noori* в городе? И ты еще спрашиваешь? Эффектнее появления твоего отца, может быть только семейство Майка в полном составе.

Я скорчила гримасу.

– И много народу набегит?

– Сейчас не сезон, но те, кто в городе живет, будут обязательно. Виктор с вами? Кому он родней приходится? Твоему отцу, или маме? Сама знаешь, списки приглашенных, все дела, – задала подруга тот естественный вопрос, которого я тоже опасалась.

Прежде чем мне удалось придумать что-то более-менее правдоподобное, предмет обсуждений появился на кухне, где был встречен настороженными взглядами, намекающими на то, что он здесь лишний.

– Лона, твой папа сказал, неплохо было бы «свернуть девичник». В доме беспорядок, вещи не разобраны, стоило бы поторопиться, – героически выдал Вик, исчезая за дверью.

Мы недовольно засобирались. В дверях Анька обернулась.

– До завтра, Лона. Я так рада, что ты вернулась, – Анита прижала меня к себе так, что ребра хрустнули, и, помахав на прощание, вышла.

Я поплелась наверх. Мысль позвонить Келли прямо сейчас пришлось отмести как неприемлемую. С ним Майк и что-то мне подсказывает, братьям (как они сами себя называли) нужно было выговориться. А может даже тайком поплакать. Хотя я «проклятие» терпеть не могу, вынуждена признать: уж он-то точно постарается поддержать Рыжика, чем сможет.

Привычным жестом распахнув дверь, я замерла, скользя взглядом по полузабытой обстановке. Это всегда была безраздельно моя территория. Любая вещь, будь то шкаф, лампа, коврик возле кровати, или маленькая статуэтка волка на столе, была подобрана, добыта и привезена лично мной. Каждая из них хранила свою историю.

Не сдержавшись, я погладила по голове большую светловолосую куклу, доверчиво смотрящую на меня голубыми глазами. Аня.

Когда родители познакомили меня с Annet, я, еще совсем маленькая, была поражена их внешним сходством. Удивленно потянув маму за юбку я пролепетала: «Мам, смотри, там Анька. Живая...» Реакцию родителей трудно передать словами. Отсюда и пошло намертво приставшее к имени подруги сокращение. Я невольно улыбнулась, вспомнив, как первое время она упрямо отказывалась на него отзываться, но все же привыкла.

На глаза попался розовый, до безобразия пыльный слон – первый самостоятельный подарок Рыжика на мой шестой день рождения. Я бережно подняла его с пола и посадила в кресло.

Там же обнаружился потрепанный том «Экзамениционных материалов», из-за обложки которых выскользнул листок цветной бумаги и спланировал на ковер. Я подняла его, недовольная, что пришлось наклоняться.

Так... Что у нас тут. Знакомый уверенный почерк.

«В 16.00 возле старой булочной. Приходи одна. Мик», – гласила записка. Я хмыкнула. Как это было весело и таинственно в неполные пятнадцать лет! Тайные записки, свидания при полной луне, цветы – все как в романах! Играть в любовь оказалось потрясающе интересно.

Но я уехала – и все закончилось. Остались только короткая переписка в интернете и стопка открыток в потайном ящике.

Я забралась в кровать и взяла с тумбочки стоявшую там фотографию. Осторожно провела рукой по стеклу и взгляделась в тонкие черты такого знакомого лица. Я до сих пор любила эту задорную улыбку, темные как у Аниты, глаза, бережно хранила в памяти наши бесконечные проделки...

А вот он перестал мне писать уже через полгода. Подруга исправно передавала от брата привет в каждом сообщении, но я быстро поняла, что она безнадежно врет, стараясь меня не расстраивать.

Я размахнулась, но, прежде чем фотография описала изящную дугу и со звоном повстречала шкаф, передумала и осторожно вернула снимок на тумбочку. Рамочка красивая, жалко будет разбить.

Всего лишь еще одна неудача в любви. Прошлую пережила, и с этой справлюсь. Ведь в тот раз было гораздо больше...

Я устроилась поудобнее, прижимая подушку к груди, и не заметила, как уснула.

Глава 3

Утро началось с самой страшной проблемы: что надеть?! С собой было только то, в чем я ушла из дома, да пара вещей впопыхах захваченных мамой. Скрипя зубами, пришлось нацепить древнее как мир платье. Как золушка, честное слово! Отражение в зеркале добило меня окончательно: эта «вещь» оказалась безнадежно мала и сидела как-то по диагонали, потрясая чрезмерно укороченным подолом!

Сегодня же пойду и куплю что-нибудь приличное!

Просверлив отражение недовольным взглядом, я неохотно выползла из комнаты застав Вика за разглядыванием портретов. Старинные холсты в защитных стеклянных коробках, смотрелись в обычном коридоре обычного дома немного экстравагантно. Не замечая меня, Вик медленно побрел вдоль стены, застряв у одного из портретов.

На впечатляющих размеров полотне, небрежно опершись на перила, стояла женщина. Длинные темные волосы вопреки моде не были забраны вверх и спадали на плечи тяжелыми волнами; подчеркнуто простое платье и кружевная шаль только оттеняли ее аристократическую красоту. А пристальный взгляд черных глаз и надменная улыбка выдавали привычку повелевать. Она была истинным Волком и до последних минут оставалась им.

– Нравится? – поинтересовалась я.

Вик кивнул, словно обдумывая какую-то мысль.

– Они все чем-то схожи. Чувствуется власть, сила, уверенность, и ... не знаю, как это объяснить, настороженность что ли, как у хищника, – сказал он, взглянув на меня.

Я невольно улыбнулась точному сравнению.

– Но она, – Вик кивнул на портрет, – мне кого-то напоминает.

Я понимающе улыбнулась, и, перегнувшись через перила, крикнула:

– Па! Тебе не лень будет сюда подняться на минуточку?

Взглянув на удивленного Вика, я с трудом сдержала смех, нетерпеливо ожидая, пока папа поднимется по лестнице. До кое-кого медленно начало доходить.

Па весело улыбнулся:

– Экскурс в историю?

– Да вот, проводим идентификацию личности, – радостно поделилась я.

Отец понятливо пристроился под портретом. Те же глаза, те же волосы, неуловимо похожие черты.

– Как ты, наверное, уже понял, – подвела черту я, – моя прабабка!

Па грустно улыбнулся.

– Она осталась, чтобы могли убежать мы, а я вернулся. Тогда был уверен, что поступаю правильно, а сейчас понимаю, это едва не сделала ее жертву напрасной.

Мы, не отрываясь, смотрели на портрет.

– Асаху... Одна из последних...

Фраза повисла в воздухе. Каждый думал о чем-то своем.

Не понимаю, зачем папа это сказал. И про ошибку, и про род. Он никогда ничего не делает просто так – и это настораживает!

Мы медленно и все так же молча пошли обратно. Менялась одежда и обстановка на портретах, уходя в глубины истории. Мужчин и женщин, порой совсем непохожих, роднило что-то, что невозможно было описать, но по необъяснимой причине объяснялось двумя словами: род Волка.

Самой первой висела не раз отреставрированная картина в позолоченной раме.

– А это ПНП, – папа почтительно качнул головой, словно приветствуя предка.

– Что?

– Первый Нарисованный Предок, – со смешком пояснила я.

Вик с удвоенным интересом принялся разглядывать и так изученный до мелочей портрет.

– 17 век, однако. Веселое на руси время было: бунты, голод, людоедство. Самозванных царей аж три штуки подряд, – хмыкнула я.

– Он жил в очень непростые годы, – согласно кивнул папа.

Внешне молодой (только глаза выдавали его истинный возраст) немного тщедушный мужчина с усмешкой смотрел с портрета, словно понимал, о чем мы говорим.

– Это копия. Оригинал мы одолжили Эрмитажу. Картине такого почтенного возраста нужен особый уход и внимание. Если уж дубликат пришлось дважды реставрировать, прикинь, что творится с самой картиной.

– Вот и я думаю, точно видел где-то, но как и когда – не помню, – Виктор смущенно улыбнулся. – Мы с бабушкой в Питер ездили, когда я маленький был. Можете не верить, но мне еще тогда показались странными некоторые картины. Они были... мне знакомы, что ли.

– Почему не поверим. Ты полукровка, а зов предков дело нешуточное, он у тебя в крови, как и возможность принимать свое истинное обличье, – пожал плечами отец.

Я внезапно рассмеялась, кое-что вспомнив.

– Мик рассказывал. Прадедущка одного из приятелей привел их как-то в музей и гордо сообщил под ошалевшими взглядами экскурсоводов: «Смотрите детки, а вот это я в молодости... Гвардейский подпоручик! А вон там русская императрица, большой души была женщина, царство ей небесное. А как танцевала...» – я так умело повторила выговор председателя Верховного совета, что даже папа рассмеялся.

– Кстати, это работает в обе стороны. Зов крови. Лоне-волку одноклассник с самого начала понравился, хотя Лона-человек, не понимала почему, – я внезапно смутилась. Мы с Виком еще не обсуждали наши «прогулки» и то, как он со мной откровенничал, считая собакой. Я без спроса влезла в душу и теперь чувствовала себя неловко.

Избежать опасной темы помогла мама, громогласно воззвав к нашей совести:

– Лона, быстро вниз и остальных захвати!! Папа так вообще почти до кухни дошел, а потом все же потерялся!!!

Мы переглянулись и бодро двинули на кухню.

– Опять байки травили? – мама уже сидела за столом с подчеркнута печальным видом, который явно должен был разбудить в нас муки совести. – Все стынет, а они...

– Никаких баек, дорогая, мы просвещали Вика насчет истории семьи, – весело поглядывая на маму, уточнил папа.

– Портреты разглядывали? Жаль, из усадьбы многое сгинуло. С тоской вспоминаю тот мебельный гарнитур, который я видела в московском музее. Стоит под табличкой *«Гостинная дворянской усадьбы конец 19 века»*.

– Ты про то кресло, под которым я в детстве любил прятаться?

Вик подавился чаем и закашлялся. Я с преувеличенной заботой постучала его по спине.

– Там такая резьба красивая, обивка уже выцвела, но это легко можно заменить... Но это сейчас не важно, – мама свела брови, стараясь казаться суровой и грозной. – Сегодня прием, а одеждой обеспечены только мы с тобой! То, что здесь осталось, Лона теперь только на нос натянет. А Виктор и вовсе не имеет представления, что ему следует надеть на подобное мероприятие! И никого, кроме меня, это, похоже, не волнует! Стоят и на портрете дырки взглядом сверлят!

Я блаженно улыбнулась. Магазины! Здесь! Скуплю все, что увижу!!!

Глава 4

Темнело...

Ничего так, ничего.

Я тщательно, со всех сторон изучила в зеркале итог длительного хождения по магазинам: длинное темно-зеленое платье, из струящегося шелка. Заметила я его совершенно случайно и, что характерно, в самом конце многочасового рейда.

Когда мой хищный взгляд устремился на витрину очередного магазина, даже мама обреченно вздохнула. Папа с Виком так вообще еле плелись следом, с трудом соображая, что вообще вокруг происходит. На вопрос: «А как вам это?» – оба уже давно отвечали непонятными кивками и невнятным мычанием. В результате, почти загнав продавщицу, я наконец-то выудила с вешалки его – и вопрос решился сам собой. «Сильная» половина человечества едва не прослезилась от умиления.

И как можно устать от похода по магазинам?!

Тонкая лента в тон к платью никак не хотела закрепляться на коротких волосах. Как я над ней только не издевалась! В конце концов, справившись с трудной задачей, я принялась размышлять, что можно еще с собой сделать. Ногти что ли накрастить? А что, идея! Решительно разбросав на столе вещи, я выудила бутылочку блестящего лака, и, завершая картину, надела тонкую золотую цепочку с жемчужиной – папин подарок на 16 лет. Сережек я не ношу, где вы видели волка с кольцами в ушах? А иначе никак: дырка будет зарастать во время каждой трансформации.

Приложив руку с впечатляющим маникюром к лицу (подпиленные когти, покрытые лаком; что бы я делала без частичной трансформации), я обворожительно улыбнулась выдвинувшимися клыками и победоносно промаршировала вниз, проведать остальных.

ОЙ, МАМА!

С непривычки взяв слишком высокий темп, я запуталась в подоле и чуть не навернулась с лестницы.

И еще Волком называюсь! С такой-то грацией, слоник больше подойдет.

Вцепившись в перила, я героическим усилием приняла более-менее устойчивое положение, под насмешливыми взглядами родителей.

Нет, ну как всегда! И никакого сочувствия!

– Сколько можно собираться?! – задал папа риторический вопрос, открывая дверь.

Мама только улыбнулась и, чуть приподняв подол жемчужно-серого платья, спустилась с крыльца, опираясь на папину руку. Видимо, она сегодня уже не раз это слышала.

Вик в приличном костюме и легком плаще уже стоял на улице. Он до последнего пытался отказаться от покупки оных, но ему доступно объяснили, что асаху не пристало позорить нашу семью джинсами на официальном приеме.

В сумраке ярким светом горели фонари, мягко светились из-за штор окна домов. Темными тенями выделялись деревья в парке. Мне нравится ночной город: раньше мы часто гуляли здесь с родителями. Идти было всего минут 15, но ситуация и мамыны каблуки обязали заказать машину.

Очень быстро перед нами выросло приличных размеров приземистое здание с витражами на огромных окнах.

– Мы на месте! – радостно оповестила я, поглядывая на Вика. Внешне он ничем не выдавал своего волнения, хотя чувствовалось, что ему немного страшно.

– Ну что? Похоже на место сбора нечистой силы? – поинтересовалась я.

– Очень! Особенно меня веселит то, что я не сторонний наблюдатель, а участник, – наряжено отозвался Вик.

– Не дрейфь! Ща будет весело: оргии, человеческие жертвоприношения...

Виктор, выбираясь из машины, споткнулся на ровном месте.

– ... Шутка, – прокомментировала я, дожидаясь пока он ко мне присоединится. Стараясь сильно не отстать, мы вошли в здание следом за родителями.

Вик наградил меня неласковым взглядом. Вот так-то лучше, пусть на меня дует, вместо того, чтобы бояться.

Мы прошли по короткому полутемному коридору и оказались на пороге просторного зала. Свет ударил по глазам, заставив на мгновение зажмуриться.

Опять эти уловки! Сначала рассмотрят они нас, а уже потом мы – их!

Как только мы слегка проморгались, кто-то объявил:

– *Aut-rrinor lod Rrene ka-Ourren...* – на несколько минут я привычно выпала из реальности. Нудное перечисление всех папиных титулов и заслуг перед отечеством, могло заставить зевнуть даже самых рьяных любителей «протоколу».

– ... и *lod Viktorr...* – мои натренированные уши мгновенно выловили незнакомую концовку привычного текста. Так значит мы родственники. Впрочем, это логично. С отцом насчет родословной нашего асаху я поговорить не успела, но в Вике, в любом случае, течет папина кровь, давшая толчок трансформации. Так что в каком-то смысле он мой сводный брат. Или что-то вроде того. Такое не могло не случиться раньше, и должно быть как-то отражено законодательно. Надо поискать материал в центральной библиотеке стаи. Кем бы ни был предок Вика, связь с нашим родом упрочит его положение.

Мама присела, папа чуть поклонился. Я запоздало изобразила реверанс, дернув Вика за рукав. Он неуверенно поклонился. Фальшиво улыбнувшись, я взяла «братца» под руку и потащила следом за родителями. Вик послушно переставлял ноги, позволяя мне вести себя в нужном направлении. Его больше интересовала окружающая обстановка, чем конечная цель наших перемещений.

Вокруг стояли, чинно переговариваясь, оборотни самых разных возрастов и званий, из самых разных семей. Звучала музыка, причудливо сливаясь с гулом множества голосов и женским смехом.

В центре зала взмывали вверх круглые колонны, отделяя часть пространства. Цветочные гирлянды и растения в кадках ограничивали там небольшую площадку, на которой в полночь начнутся танцы. С нашей стороны от колонн ютилось множество кресел и небольшие фуршетные столики. Старшее поколение предпочитало бокал вина и приятную беседу танцам до упаду.

Внезапно глаза Вика удивленно расширились – я быстро посмотрела в ту же сторону. Над площадкой, медленно вращаясь, висел огромный милиритовый диск со сложным рисунком – эмблема, символ нашей стаи.

Ну и что в этом такого?

Я только хотела поинтересоваться, что он там высмотрел, как диск полностью развернулся к нам. Знакомое изображение наложилось, полностью совпав, с тем, что выгравировано на кулоне, доставшемся Вику.

– Ответь мне на один вопрос. Ведь милирит – это оружие, так почему оно висит у всех над головой и никого это не смущает?! – поинтересовался Виктор, не отрывая взгляда от изображения.

– Я же рассказывала. Милирит всегда был символом наших богов и, когда в борьбе за выживание люди вдруг поняли, как использовать его против нас, это был страшный удар. Очень многие погибли, не переборов слепую веру в свое божество. Прошли века... Милирит стал чем-то вроде символа нашей силы и одновременно нашей слабости. Так же как и асаху...

Вик невесело усмехнулся, окидывая скептическим взглядом свое круглое и зеленое отражение на боку огромной вазы.

– Не сильно я тяну на вершителя судеб... Кстати, а что там написано? – он махнул рукой в сторону диска, снова повернувшегося к нам.

– *Alea jacta est* (Жребий брошен), – прочитала и перевела я. – это что-то вроде девиза стаи.

– Жребий брошен, говоришь? – задумчиво повторил Вик, даже не заметив моего кивка.

Глава 5

Оставив Вика наедине со своими мыслями, я взглядом опытного снайпера выловила из снующих туда-сюда с чинным видом оборотней маму с папой. К ним на всех парах приближалась Сабрина. Я едва заметно поморщилась. Эта оборотниха всегда изучает меня с таким высокомерным презрением, словно я стул в самый неподходящий момент возникший на дороге. К слову, она единственная женщина, удостоившаяся чести войти в Верховный совет. Мама ее терпеть не может, да и папа, в свою очередь, старается избегать встреч.

Встряхнув головой, я осторожно подобралась поближе.

– Рене, Эльмира, я так рада вас видеть! – на лице вежливая улыбка, а во взгляде все, кроме радости. – Столько всего произошло с тех пор, как вы уехали. Ты, кстати, очень вовремя вернулся – в скором времени окончательно определится *primus inter pares* (первый среди равных).

– Давай не сейчас. *Ipsa facto* (в силу очевидного факта) я не могу круглые сутки держать себя в напряжении!

Судя по тени, пробежавшей по лицу Сабрины, она поняла намек. На мгновение мне почудилось, что воздух между ними прочертила молния.

– *Absque omni exceptione* (без всякого сомнения)! – процедила она, отворачиваясь. Папино лицо не выражало ровным счетом никаких эмоций, но мама положила руку ему на плечо, словно успокаивая.

– Вот ты где! – ко мне вихрем подлетела Анька, отвлекая от шпионажа. Выглядела подруга просто великолепно: белое платье, убранные под заколку платиновые волосы, смуглая кожа. – Мик от бабушки звонил и чуть трубку не выронил, когда я сказала, что ты вернулась! – со смехом проинформировала она меня.

Я чуть заторможено кивнула. На моем лице отразилась такая гамма противоречивых чувств, что подруга пожалела о своем резком вступлении.

– А он-то кто? – проявил любопытство Вик, подходя к нам и неуверенно кланяясь. Анита присела в реверансе, чем снова меня удивила.

– Мой братец! – пояснила она, украдкой разглядывая нашего асаху.

– Помнишь фотографию, что стоит у меня на тумбочке? – спросила я. – Там, где парк и мальчишка ставит мне рожки.

Вик всем своим видом олицетворял тяжелую работу мысли, но потом все же кивнул.

– Ты ее еще в шкаф спрятала. Сказала: надо поставить что-то новое.

Я закусила губу, украдкой взглянув на подругу. Та с подчеркнутым равнодушием разглядывала подтягивающихся к танцевальной площадке оборотней.

С такими друзьями и врагов не надо! Ну, почему у Вика такая хорошая память, а?!

– О! А вот и оно, твое «проклятие».

Кивок Аньки безошибочно указал на приближающуюся к нам парочку.

Вот, черт... Танцы и Майк не самое хорошее сочетание. Рождаются неприятные воспоминания. Хотя, стоит признать, в последнее время далеко не каждая наша встреча превращается невесть во что.

Вот, например, сегодня утром.

Мама отправила меня в магазин за продуктами, на выходе из которого, я и ухитрилась с ним столкнуться.

– Лона, какое платье! – заявил Майк, нагло изучая мои ноги, которые только подчеркивала практически отсутствующая юбка.

Опустив на нос солнечные очки, как щиток забрала, я ринулась в бой.

– Тебе не нравится?!

– В полном восторге, – уверил он меня, не отрывая взгляда.

Думал, смущаться буду?! Как же!!!

– Сказать, где можно достать такое же? – я перешла в наступление.

Майк фыркнул.

– На мне оно, к сожалению, так сидеть не будет, – посокрушался он. Из-под светлых волос насмешливо сверкнули глаза. Если бы Майку тогда вздумалось еще и челку с лица отбросить – одним оборотнем в городе стало бы меньше!

– Куда идешь? – миролюбиво поинтересовался Майк, словно не замечая моего недовольства.

– Подальше отсюда!

– Идет.

Ему, оказывается, было без разницы, где слоняться, и все мои попытки прикрыть свое отступление десятком «важных» причин потерпели фиаско. Видите ли, на плечи «проклятия», взвалили выгуливание собаки – и ему скучно! Согласилась я только из-за четвероногого друга. Огромный овчар, пленил меня с первого взгляда. Мы быстро с ним поладили. Вообще-то, собаки настороженно относятся к таким, как мы, но этот, видимо, всю жизнь провел среди оборотней. Не такая уж это и редкость.

Майк вручил мне поводок и почти насильно отобрал сумку с продуктами. Кошмар, меня «проклятие» домой провожало. Это называется: приплыли...

Мимо прошли две девчонки.

– Видела? Какой красавец! – восторженно прошептала одна.

Майк приосанился.

– Сразу видна порода! Сногсшибательная собака! – дополнила вторая.

Девушки удалились из зоны слышимости. Я искренне расхохоталась.

– Рядом с ним тебе точно не выдержать конкуренции, – сквозь смех выдавила я, наблюдая, как в ответ на мои слова проявляется недовольная гримаса на лице «проклятия».

Улыбнувшись воспоминаниям, я перевела взгляд на идущего рядом с Майком парня. Этого – не знаю. Коротко остриженные рыжие волосы, загар (и это в начале весны), дизайнерский прикид и пронзительные синие глаза. Весь его вид балансировал на грани вызова: в стае были приняты аристократичная бледность, смокинг и постное выражение лица. У незнакомца отсутствовали все три названные составляющие.

Приблизившись к нам, он мягко улыбнулся:

– Привет, Лона, давно не виделись!

Догадка четко проступила на моем обескураженном лице. Это же... Ну и глупо же я сейчас выгляжу!

– Рыжик?!

В поисках поддержки я скосила глаза на Аньку. Весь ее вид выражал откровенное веселье. Надо признать она меня предупреждала...

Еще раз хлопнув глазами, я наплевала на этикет, печальные обстоятельства и с тихим визгом повисла у Келли не шее.

Вот это да! Я оставила здесь смешного конопатого добродушного мальчишку, верного друга и участника бесконечных проказ, а встретила солидного молодого оборотня, которому, явно постесняюсь теперь предложить кражу яблок из соседского сада.

Выпущенный мной, слегка придушенный Келли представился Вику и поцеловал руку Ане.

Майк, дождавшись пока на него тоже обратят внимание, малость небрежно кивнул нам с Виком, ведь мы сегодня уже виделись, и склонился перед Анькой в церемонном поклоне, не скрывая, впрочем, язвительной ухмылки. Та ответила ему взглядом, способным заморозить кипяток в стакане.

Келли не выдержал и рассмеялся.

– И вот так каждый раз, – пожаловался он Вику. Тот, улыбнувшись, кивнул. – Ой, я совсем забыл! Лона мы попросили танго, ты будешь танцевать?

– Конечно, будет, – встрял Майк, протягивая мне руку. Я настороженно на нее уставилась.

– С тобой не танцую! – на всякий случай уточнила я.

– Опять бросишь меня посреди зала? Или боишься ноги оттоптать? Не волнуйся, я как-нибудь переживу, раз уж пригласил. А то боюсь, ты так и будешь весь вечер стенку подпирать!

– Я тебе язык оттопчу когда-нибудь! – буркнула я, отлично понимая, что после таких комментариев, путь у меня только один – на танцпол!

Сколько лет мы с ним не танцевали? Пять? Шесть? С того самого памятного вечера на Зимнем балу, когда стало известно о нашей номинальной помолвке.

Я медленно вышла вперед и резко обернулась: мои глаза полыхнули янтарем. Майк отлично понял, кому предназначен этот взгляд, и, быстро скинув пиджак, последовал за мной.

На приемах танцевали по-разному. Вальс мог соседствовать с мазуркой, а танго – с кадрилию. Контрданс шел за полькой, а павана – за блюзом. Предпочтения зависели только от того, на какой век приходилась молодость того или иного оборотня.

Заиграла музыка. Люблю танго. Даже «проклятие» не сможет испортить момент.

Майк уверенно положил руку мне на талию. Он медленно сделал несколько шагов – я скинула голову, встречаясь с ним взглядом.

Шаг. Взмах ноги. Поворот.

Глаза в глаза: только партнёр, музыка и бессмысленный, на первый взгляд, набор фигур.

Шаг. Поворот. Взмах.

Танец-поединок, танец-борьба. Сила и слабость, победа и поражение, пластика и мощь движения, на мгновение объединившие с партнером в единое целое. Ни намек на пошлость, танец свободы, танец любви...

С лица Майка исчезла привычная холодная насмешка. В его глазах было упоение, восторг от музыки, от самого танца, и еще что-то такое... что я никогда раньше не замечала. Во всяком случае, в свой адрес.

Музыка затихала...

Я замерла близко-близко, чувствуя щекой его тяжело поднимающуюся грудь. Руки Майка медленно скользнули по моим плечам, сомкнулись на талии...

Все...

Неожиданно, кругом захлопали. Я удивленно оглянулась: на площадке мы были одни. Остальные гости, образовав правильный квадрат, заворожено наблюдали за нашим танцем.

Не поняла. Что, надо было билеты продавать?

В легком шоке и под гром оваций я позволила Майку подвести себя к ребятам.

– Вот это был класс!!! – радостно накинулась на меня Анька.

– Вот уж точно ваш танец, ребята, – фыркнул Келли, поглядывая на брата с добродушной насмешкой. Тот выразительно скривился. Я фыркнула.

Обстановку разрядил Вик: он несколько секунд подбирал слова, потом махнув рукой на дифирамбы, тихо сообщил:

– Даже не знал, что можно так... ну вы поняли...

Мы дружно расхохотались.

Глава 6

Вик сидел в кресле, держа на коленях большой фотоальбом в кожаном переплете, и задумчиво перелистывал страницы в такт моей болтовне. Я же расхаживала по комнате, увлеченно расписывая свое детство: шалости и проказы, детские обиды свои и чужие, любовь, приключения – делясь с Виком, я вспоминала сама как же сильно связана с ними, друзьями детства, и почему мне так больно было отсюда уезжать...

– Мы играли в войну. Весь двор превратился в полигон и кишел ловушками: веревки натянутые поперек дорожек, падающий с крыльца пакет с водой и многое другое, на что хватило фантазии. И вот, представляешь, с работы как раз в это время вернулся отец, – с трудом борясь со смехом, я героически пыталась закончить историю. – Он с удивительной везучестью дошел до «финишной прямой», но там его коварно поджидали «зыбучие пески», прикрытые ковриком... Самое забавное, нам даже не влетело! Отец только посмеялся, разглядывая безнадежно испорченную обувь, и посоветовал быстро убрать основные «опасности», пока на улицу не вышла мама!

Вик, улыбаясь, принялся листать альбом с удвоенной энергией.

– Ой, а это мы с Майком на Зимнем балу танцевали! – я умиленно разглядывала двух карапузов, с предельно недовольными физиономиями. – Как сейчас помню, нам было лет по десять. Майк украдкой наступил мне на ногу, а я в ответ дала ему «случайно» локтем по носу.

Виктор расхохотался.

– Кстати, хотел спросить, а почему вы так следуете традициям? – отсмеявшись, поинтересовался он. – Поклоны, танцы, которые сейчас только в хореографическом училище и изучают, разговоры ни о чем, словно заученные заранее...

Я невольно фыркнула.

– Все проще, чем ты думаешь. Некоторые из присутствовавших вчера на приеме оборотней не только помнят бабушку последнего императора, но и могут поделиться личным впечатлением от войны 1812 года. Думаешь, как мы с Анькой доклад по истории готовили? Распросили основательно ее бабушку – и все дела! Для них это не устаревший официоз, а привычка, воспоминания молодости. А что до меня, так ведь без разницы, как танцевать и одеваться. Так даже веселее.

Вик повернул голову, с интересом изучая мое восторженное лицо.

– А ты случайно не...

Я поспешила отрицательно помотать головой. Его слегка недоверчивый взгляд заставил меня снова рассмеяться.

– Мне не больше, чем выгляжу, – уверила его я, переборов очередной приступ хохота. – Честно! Ну, то есть больше, но всего на пару лет. Ты в школу пошел во сколько лет? В семь? Вот, а я в десять. Развиваемся мы почти как люди, просто потом в десятки раз медленнее стареем.

Вик кивнул принимая к сведению, и снова уткнулся в альбом. Перегнувшись через спинку кресла, я перевернула страницу.

– А вот это настоящий компромат! – прокомментировала я увиденное. На снимке покрасневший до корней волос Рыжик целовал в щеку Аньку. – Она когда-то Келли страшно нравилась и он отчаянно пытался это скрывать. Вот мы его и подловили у меня на дне рождения!

– А сейчас как у них отношения? – неожиданно заинтересовался Вик.

Ну вот! А еще говорят: мужики не интересуются сплетнями! Ага, шас же!

– Ты так глубоко переживаешь за Келли?

Вик пропустил шпильку мимо ушей и продолжал отмалчиваться – пришлось ответить:

– Уже никак, судя по всему. Да и сомневаюсь, что когда-либо было. Келли не из тех, кто идет напролом, а Анька никогда не сделает первый шаг. Зачем ей это? У нее и так толпа кавалеров, – я хмыкнула. – Сидим тут, как две старые перечницы и обсуждаем чужие любовные похождения!

– Ты права, самое время перейти на свои, – в тон мне ответил Виктор. – Например, почему ты называешь Майка «фамильным проклятием»? Для детской вражды – это как-то чересчур.

Ну надо же, запомнил! Я усмехнулась.

– Понимаешь, тогда в школе я не могла сказать главного. Обозначить камень преткновения без упоминания стаи – невозможно. Обратни сильно помешаны на родословной, я тебе это уже как-то говорила. Поэтому у нас до сих пор случаются династийные браки. И довольно часто. Ну тип селекция как в садоводстве. У нас целая организация под руководством moriatt, матери стаи, этим занимается.

– Только не говори, что Майк... – увидев мою кислую мину, Вик снова рассмеялся, не в силах закончить мысль.

– Угу, мой жених. И мы оба крайне недовольны этим фактом. Со всеми вытекающими последствиями.

Глава 7

К сожалению, выпускные экзамены никто не отменял, и мы пошли в школу. В мою старую школу. Я и Вик.

Эх, а я-то надеялась на каникулы досрочно.

К тому же, за нами все еще охотятся, и это только вопрос времени, когда парни в масках снова до нас доберутся. В последнем я не сомневаюсь, да и родители тоже. Охотники, установив личность оборотня, идут до конца. Мы оторвались ровно на столько, сколько им потребуется, чтобы выяснить, куда нас понесло. Папа говорит, охотники людей не тронут, так что единственный макет поведения, соотносящийся с выживанием – это держаться в людных местах и не ходить поодиночке.

В учебном заведении, например.

Мы с Виком шли по коридору русскоязычной школы № 13 (супер цифра), и я, по ходу дела, давала краткие характеристики, встречающимся одноклассникам. Из ближайшего кабинета вышел и направился прямо ко мне парень в штанах, которые болтались по последней моде где-то в районе коленок и держались на одном честном слове. Я с трудом подавила желание протереть «смотрящие стекла».

– Знакомься, наш ботаник, – озадаченно шепнула я.

– Я вижу! – скептически отозвался Вик.

– Лонка! Как жизнь?

Я мысленно поморщилась. Терпеть не могу это обращение!

– Леня, что с тобой жизнь сделала?

– Ничего особенного! Мне Антонина Федоровна сказала вчера, что ты вернулась. Это хорошо. Не только у меня теперь будут математику списывать. А тебя как звать? – поинтересовался он у, стоящего за моей спиной, Вика.

– Виктор.

Я улыбнулась – краткость сестра таланта.

– Это не у меня, а у него будут списывать.

Леня уже по-другому, уважительно взглянул на Вика. Тот, кстати, никак на комплимент не отреагировал.

– Ладно, я пошел, – кивнув, Леня представительно понес штаны в противоположную сторону, оставив после себя бурю эмоций.

– Я в шоке. Может и наша красотка книги читать начала?! Нет, ты это видел?! Я тебе потом его фотографию четырехлетней давности покажу, для сравнения!

Вик неопределенно пожал плечами, привычно «зависая» – к нам на всех парах приближалась сияющая Аня. Мы вошли в класс. «Наши» одноклассники окружили меня, мгновенно отрезав от Аньки с Виком. Та вызвалась быть его добровольным гидом, и охотно знакомила с ребятами, по ходу дела просвещая насчет учителей. Я оказалась совершенно не у дел. Но заскучать мне, разумеется, не дали. На то, чтобы перецеловать всех желающих и кивнуть остальным, ушло минут пятнадцать. И это не учитывая того, что каждому надо было ответить хоть на один вопрос, причем они (вопросы), как правило, повторялись. Звонок избавил меня от необходимости придумывать пятнадцатый вариант ответа на вопрос: как дела?

Так...

Я полузабытым движением бросила сумку на первую парту. Сидящий за ней парень улыбнулся.

– Все так же оккупируешь мою парту? – задиристо спросила я.

– Ну уж нет. Теперь все наоборот: это ТЫ оккупируешь МОЮ парту, – весело ответил он, намекая на нашу с ним первую встречу. Я рассмеялась. Было это незадолго до моего отъезда.

После ухода соседки, я как-то привыкла считать первую парту безраздельно своей территорией и сильно удивилась, когда незнакомая личность (пост старосты обязывал догадаться, что это и есть тот самый, обещанный классной, новый ученик) беззастенчиво поставила сумку на соседний стул.

– Это моя парта, – мимоходом отметила я, не отрываясь, впрочем, от решения домашней задачи. Ну кто, скажите, делает уроки дома, когда есть перемены и чужая тетрадь? Правильно, обладатели той самой «чужой» тетради, с которой я сейчас успешно сверялась.

– Я заметил, – чуть удивленно отозвался оккупант.

– Может и заметил, но явно не понял. Это – моя парта, и вас здесь не стояло! – язвительно пояснила я.

– Гостеприимно же у вас новеньких встречают. И это – староста!

– А почему ты... – я подняла голову и впервые увидела эту вечно чем-то не довольную физиономию.

– Значит угадал? Мне просто сказали, что она меня встретит... но я не думал что так, – задумчиво поделился парень своими соображениями.

– Я рада, что ты остался доволен. А теперь – до свидания!

– И не подумаю!

Несколько секунд мы сверлили дуг друга взглядами.

– Ладно, оставайся, – безразлично подвела итог я, возвращаясь к задаче. – Вот только, учебники будешь носить ты, должна же быть от тебя хоть какая-то польза!

Вот так мы и сидели до самого моего отъезда, конструктивно препираясь, в полном, так сказать, биогеоценозе: ему было у кого уточнить основное направление страданий того, или иного литературного персонажа, а мне – у кого списать физику.

Все-таки как приятно возвращаться туда, где тебе рады.

Жизнь в классе шла своим чередом. Биологица опаздывала, как и три года назад, Беркут с Блондинчиком яростно спорили по поводу очередной пакости. Один из одноклассничков, опоздавший на первый урок (многое остается неизменным), решительно обогнув парту Виктора и представился:

– Вася.

– Не верь ему, он – Паша! – немедленно встрял Беркут, прежде чем Вик успел пожать протянутую руку. Перед очередным новеньким разыгрывалась дребня как мир шутка.

Вик вежливо изобразил удивление, смутно чувствуя подвох. Класс, отличавшийся трогательным единодушием в такие моменты, дружно хихикал. Наслаждаясь произведенным эффектом, знакомящийся парень переглянулся с Беркутом.

– Паша Васильев, в сокращении просто Вася, – выдержав паузу, наконец пояснил он.

– Виктор, – рукопожатие все же состоялось.

Наладившие контакт парни интереса больше не представляли, и я, усевшись в пол оборота, принялась детально изучать одноклассников. Появившаяся в классе биологица, искренне порадовавшаяся моему возвращению, ничуть в этом деле не мешала.

Кто-то изменился, а с кем-то я рассталась словно вчера. Блондинчик так и не расстался с челочкой, а Маринка по-прежнему читала под партой какой-то романчик. Правильно, зачем напрягаться, когда ты и так олимпиадник?

– А где Император? – новеньких я решила отложить на потом, сперва, выясню, кого не хватает.

Леня писавший что-то сразу в двух блокнотах, недовольно пробурчал:

– Сейчас зайвится, в джинсах с цепями. Мало того, что опаздывает, так еще и нашу Жабру до истерики своим внешним видом доводит.

– Уж кто бы говорил, – фыркнула я, выразительно окидывая взглядом «крутые штанишки».

– Медалистам скидка, – отмахнулся Леня, не отрываясь от блокнотов.

Я хихикнула. Жаброва Ольга Олеговна, учитель русского языка и по совместительству завуч школы была вполне демократична, но отдельным доставшим ее личностям она платила той же монетой.

– Они вообще распоясались! – продолжил, по ходу дела жаловаться Леня. – Я уже три дня на подписку деньги выколачиваю, про столовую вообще молчу! И как тебе это удавалось?

Я пожалала плечами. Ежедневная каторга на посту старосты класса, не оставила после себя неизгладимых воспоминаний.

– Хочешь вспомнить молодость?

– НЕТ!

– А для прикола?

– Э-э-э... – я прищурилась, – ну ладно.

Биологица снова убежала, в классе стоял гул. Я привстала со стула как раз в тот момент, когда длинный оболтус с дредами, в байке и обвешанный цепями, как пушкинский дуб, без стука ввалился в класс.

– ЧТО ЗА ВИД? – прорычала я, позволив Императору повернуться к нам лицом и закрыть за собой дверь. – Ты куда приперся с опозданием на пятнадцать минут, как благородная девица, а? Деньги на подписку живо, и не буди во мне зверя! Еще раз цепи увижу, на них тебя и повешу, ясно?! – продолжила вопить я, с искренним весельем наблюдая за растерянностью парня.

– Да, Лона... Хорошо, Лона... Сейчас сдам. ЛОНА?!

Я расхохоталась.

– Привет. Давно не виделись.

Он подошел ко мне, явно желая чуть-чуть придушить в объятиях.

– Стоять! Сначала подписка, потом обниматься!

Петя (или Петр Первый, он же Император) сдав деньги, мстительно сжал меня в объятиях так, что ребра затрещали. Однокласснички веселились во всю, наблюдая за неожиданным шоу. Я развернулась к классу.

– Вам смешно? Кто завтра на подписку не принесет, будет висеть рядом с Императором! Вы меня знаете!

– Конечно знаем, Лоночка. Только не злись, это для цвета лица вредно, – заверил меня Беркут. Несмотря на основательную фамилию, Никита был все таким же мелким и языкастым, а его задорная улыбка и абсолютное неумение долго сидеть на одном месте всегда служила нашему классу громоотводом во время «праведного гнева» учителей. Злиться на него было просто нереально – он это знал и беззастенчиво пользовался. Я фыркнула, садясь на место.

Они ведь люди, но мне так приятно сюда вернуться!

Глава 8

С последнего урока выпускников отпустили. Беркут предлагал отметить мое триумфальное возвращение, но мероприятие было решено отложить до выходных.

Вот интересно, как мне «поодиночке не ходить»?! Раздвоиться что ли!?

Ярко светило солнце. По небу еле-еле тащились огромные кучевые облака. Я стояла во дворе в плаще нараспашку и, прищурившись, изучала синее, как глаза Келли, небо. Одна.

Вик с Анькой где-то пропадали. Нет, я просто «офигеваю», как говорит Леня! Эта парочка едва ли не за ручку всюду держится! Ну ладно Анька: она привыкла менять ухажеров, как перчатки, но наш «скромняжка» Виктор... И куда делась его неуверенность?! Мой дорогой новоиспеченный оборотень шел к цели, как танк. И я могла только удивленно качать головой, наблюдая за всем этим безобразием!

– Лона, есть минутка? – рядом со мной неожиданно нарисовался Келли собственной персоной. Мысли читает?

Я удивленно кивнула.

– У вас, что, сегодня выходной?

– Физкультура, – буркнул он, отводя меня в сторону.

– А она не обязательна к посещению?

Моя заинтересованность осталась без ответа.

Рыжик буквально оттащил меня вслед за собой в заброшенный дворик.

Откуда он, интересно, знает это место? Мы с Анькой использовали его как свой в меру секретный угол, где можно спокойно поговорить без лишних ушей. Во время уроков здесь никого не бывает.

Я попыталась присесть на скамейку. За те годы, что меня не было, она окончательно одряхлела и напоминала теперь ежа-мутанта, из-за торчащих во все стороны ржавых гвоздей. Сидеть на этом великолепии было все еще возможно, но не очень удобно.

– Лона, почему вы вернулись? – вдруг спросил Келли.

– Ты не рад? – я попыталась отшутиться. Что-то странное у меня, в последнее время, разговоры с друзьями. Я не любила и не умела врать, так что нынешние обстоятельства, в которых нельзя было поговорить с близкими откровенно, порядком меня удручали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.